

Игра с цветами смерти

Наталья
Солнцева

Все совпадения неслучайны

Наталья Солнцева
Все совпадения неслучайны
Серия «Игра с цветами
смерти», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3944225
Все совпадения неслучайны : [роман] / Наталья Солнцева: АСТ,
Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-075062-7, 978-5-271-36678-9

Аннотация

Героиня романа Нина Корнилина получает от владельцев парижской галереи приглашение приехать и представить на выставке творчество ее мужа Артура Корнилина, погибшего при странных обстоятельствах. Перечитывая дневники художника, Нина с ужасом начинает подозревать, что у Артура перед смертью развивалась душевная болезнь. Особенно страшным ей показалось «видение Розы», так она назвала про себя набросок будущей картины «Магия» с черной розой в центре. Перед смертью Нина видит во сне Черного человека, который преследовал и ее мужа. И это не последнее убийство. Все преступления загадочным образом связаны с тайной флорентийского медальона, который изготовил известный средневековый ювелир и алхимик в подарок своей возлюбленной.

Роман издается в новой редакции. Ранее роман выходил под названием «Черная роза».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	52
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	91
Глава 8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Наталья Солнцева

Все совпадения не случайны

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша *Наталья Солнцева*

Все события и персонажи вымышлены автором.

Глава 1

*Будьте осторожны...
ведь вы можете получить то, что призываете.
Дуглас Монро. Утерянные книги Мерлина*

Черные буковые деревья стыли на ледяном ветру; они цеплялись корнями за каменистую почву высокого холма, окружая мрачный замок с башнями по краям и узкими окнами. Стены замка, сложенные из огромных камней, были покрыты плющом.

Над холмом плыли тяжелые свинцовые тучи, полные дождя и мокрого снега. Смеркалось. Наступала первая ночь Великого Праздника Мертвых – Самхейна, когда от вечерних сумерек и до рассвета открыта Пылающая Дверь между мирами...

– Три ночи, которые еще не наступили, три дня, которые пройдут, три жизни, которые забыты, три раза голос Дракона созовет достойных, которые смогут войти... дабы увидеть, соединилось ли то, что разорвано на части...

Слова заклинания замирали под сводчатым потолком. Зловещая полутьма кое-где рассеивалась дрожащими огнями свечей. Тонкая фигура, закутанная с ног до головы в непроницаемый темный плащ, произносила магические слова. Перед ней на возвышении, покрытом черным бархатом,

стоял человеческий череп с горящими глазницами, в воздухе пахло сандаловым деревом и можжевельником.

– О Владыка Тьмы! Называю твое тайное имя, древнее и священное, дошедшее до нас сквозь непрерывно изменяющиеся миры. Ты принимал множество обликов, Вездесущий и Грозный, дыша разрушением и смертью, владея Властью Ночи, которой мы начали свой путь! Нет других троп, ведущих к холодному сердцу Темной Луны...

Из длинного коридора бесшумно вынырнули несколько фигур... Три Черных Рыцаря, три Всадника Черной Бездны предстали перед своим Повелителем.

– О Великий, видящий за пределами, которому известна суть вещей, хранящие молчание приветствуют тебя! В преддверии звука могущественного Имени, величественного Имени...

Все трое преклонили колени.

– Дух великих событий летит впереди событий... В тених сегодняшнего рождается завтра! – промолвил Повелитель, отделяясь от пространства Тьмы и приближаясь к Рыцарям. – Сегодня мы услышим пророчество... Все ли готовы?

– Все... – прошелестело под сводами.

Один из Рыцарей подошел к алтарю и привел в движение скрытый рычаг. Тяжелая каменная плита со скрежетом сдвинулась с места, открывая Священный Колодец. В бездонной глубине его таился вечный холод...

– Спрашивай... – прошелестели Рыцари, указывая на Ко-

лодец. – Он ждет!

Сияющая фигура приблизилась к отверстию и слегка наклонилась...

– О Благословенный Король Острова Могущества, ответь мне! Голос священной головы, я зову тебя в печали! Голос священной головы, я зову тебя из холода! Голос священной головы, я зову тебя из мрака, из непроницаемых вод, никогда не видевших света! Мы оделись в черное, мы выходим за пределы, погружаясь в мир теней... Мы заменили нашу кровь таинственным льдом... Мы заполнили свои тела светом Луны, чтобы подготовиться к Охоте, которая скоро начнется!

Черные Рыцари застыли в неподвижности и превратились в слух, всем своим существом внимая тому, что должно было прозвучать.

Повелитель поднял над отверстием Колодца толстую зеленую свечу, горящую неровным, рассыпающим искры пламенем.

– Чего мне ожидать с Запада? – спросил он, раскачиваясь над Колодцем из стороны в сторону. – Что ждет меня и моих вассалов? В час твоего Могущества, в час твоей Силы вопрошаю тебя, священная голова...

– Что именно ты хочешь узнать? – гулко отозвался Колодец, и по залу пронесся сквозняк.

Если бы в жилах собравшихся текла обычная человеческая кровь, она превратилась бы в лед и разорвала вены и

артерии, вызвав мгновенную смерть.

– Я хочу получить Власть над Знающим! Золото... Меня интересует золото.

– Хорошо... Ты получишь то, о чем просишь... Но только на три дня. Наклонись ниже...

Фигура склонилась, прислушиваясь. Колодец, устами священной головы, назвал ей три дня, в которые она будет иметь безраздельную власть над Знающим. Удовлетворенно выпрямившись и сделав знак Черным Рыцарям, что долгожданный ответ получен, Повелитель промолвил:

– Это только один вопрос и один ответ, который пришлось ждать Северному Ветру за Пылающей Дверью. Тринадцатая Ночь, вращающая Столб Времен, наконец наступила... Она должна трижды ответить нам!..

– Спрашивай... – отозвался Колодец.

Повелитель поднял над отверстием в бездну свечу из красного воска.

– Я хочу узнать... продолжается ли Сон Огня?

Колодец молчал так долго, что в сумрачном воздухе образовались и закружились кристаллики снега.

– То, чего уже нельзя предотвратить, свершилось... – выдохнул Колодец, и Черные Рыцари вздрогнули все как один. – Смотри...

Фигура со свечой отшатнулась.

Над Колодцем появился красный туман, внутри которого проступало смутное видение – праздничный стол, краси-

вая смуглая женщина целуется с высоким мужчиной. У него светлые волосы и глаза; в камине пылает яркий огонь, трещат дрова, за окнами – пелена снега...

– Проклятие! – воскликнул Повелитель, и черное сияние вокруг несколько померкло. – Это случится зимой, но время не остановишь! То, что не должно было соединиться, соединилось! Дикий огонь снова вспыхнет! Мы только посмотрим вслед...

Красный туман над Колодцем поглотил видение, и вместо него появилась голова смеющейся женщины с зелеными глазами. От ее смеха темнота наполнилась изумрудным сиянием. Черные Рыцари закрылись плащами, и только фигура со свечой не опустила взора.

– Эти двое уже не в твоей власти! – воскликнула зеленоокая красавица. – Это говорю я, Царица Змей!..

Ее смех взмыл в черноту сводов и замер там.

– На сей раз тебе не уйти! – прошипел Повелитель и, бросив свечу, простер руки над Колодцем.

Тело змеи проскользнуло у него между ладоней и исчезло в Колодце. Наступила оглушительная тишина. Красная свеча догорела на полу, вспыхнув последний раз снопом искр, и потухла...

Один из Рыцарей, почтительно склонившись, подал Повелителю желтую свечу.

– Обряд не закончен, – шепнул он, и его водянисто-прозрачные глаза недобро блеснули. – Продолжай... Мы еще не

все узнали.

Колодец клубился белесым туманом, который вверху превращался в кристаллики льда, черные, как дымчатый топаз. Они с тихим шорохом осыпались на обод вокруг отверстия Колодца.

Фигура в плаще взяла свечу из желтого воска и протянула ее в молочно-белый туман.

– И последний вопрос, священная голова... Открылось ли знание Востоку?

Туман над Колодцем сгустился, свиваясь золотыми кольцами, принимая причудливые формы, наподобие голов дракона с высунутыми языками.

– Некто вернулся... – простонал Колодец. – Многие вернулись из прошлых времен... Пришли. Но они пока не...

Отдаленный удар невидимого в темных глубинах колокола возвестил, что время Пророчества истекло...

* * *

Безлунная ночь неслышно скользила над маленьким французским городком. По узкой мостовой, отполированной колесами и множеством ног, ветер гонял пожелтевшую листву каштанов. Древний суровый готический собор тонул во мгле. Несколько фонарей у мэрии обливали площадь призрачным желтым светом. Посреди пустынного рынка возвышался шест с традиционной тыквой, напоминающей челове-

ческий череп, внутри которого горела свеча. Эта тыква – Голова Брана¹. Плавающие глазницы и кривящееся отверстие рта отпугивали призраков и злых духов, которые во множестве проникали через Дверь между Мирами в привычную реальность людей...

Самхейн, Хеллоуин наступил! Он поднимает покров, разделяющий два мира. Это время вне времен, ночь вне ночей, когда между осязаемым твердым миром и миром духов возникает невидимая брешь, через которую свободно перетекает жизнь туда и сюда. Символ праздника – Голова Брана, охраняющая и защищающая людей. Призраки дрожат и бегут под взглядами прорезанных оранжевых глаз. Огромный Бран, прокладывающий тропу через девственные заросли терновника, указывает путь. Впереди – вход в Потусторонний мир...

Под ногами редких прохожих хрустели каштаны. Три дня праздника Самхейна в этом году выдались ненастными. Дул северный ветер, из низких туч сыпалась снежная крупа. Маленькие улочки рано пустели – жители спешили к горящим очагам, в тепло и уют своих домов. В каждой кухне пахло корицей, тестом и ванилью – повсюду пекли печенье, пирожные и торты. По легенде, в дни Самхейна бродят заблудшие неприкаянные души, которые могут постучать в любую дверь. Именно для них хозяева оставляли за порогом сладости и угощения. Призрак отведал вкусных пирожных и

---

¹ Бран – дух, защищающий от нечистых и потусторонних сил.

оставит обитателей дома в покое, уйдет, не причинив зла.

Нина Корнилина, вдова, которой исполнилось тридцать, поселилась у владельцев галереи, двух симпатичных пожилых французов, пригласивших ее в этот провинциальный городок. Нина смотрела в ночь. Ветер швырял в окна ледяную крупу. На холмах горели костры – их разожгли те, кто соби-рался в кельтский² Праздник Мертвых вызывать духов. Вдова зябко повела плечами, ей было не по себе. Первый раз с тех пор, как она приехала во Францию.

Артур Корнилин, муж Нины, умер при странных обстоятельствах сразу после своей персональной выставки, принесшей ему заслуженную славу и громкий успех. Множество картин были проданы. Страницы художественных журналов пестрели фотографиями и восторженными отзывами. Известные галереи выразили желание устроить у себя экспозиции работ Артура. Но художник ничего этого уже не увидел... Он был найден мертвым в своей мастерской.

Нина тогда очень испугалась. Вряд ли она понимала, что делала. Имущество и творческое наследие мужа распродала поспешно, в панике. Хорошо, что рядом оказался Сергей Горский, старый друг, еще по питерской художественной академии. Он помог продать картины Корнилина за более или менее приличные деньги. Нина готова была спустить все за бесценок – такой ее обуял страх. Единственное стремле-

---

² Кельты – древние индоевропейские племена, обитавшие во 2-й половине 1-го тыс. до н. э. на территории современной Франции и других стран.

ние – скрыться, исчезнуть, спрятаться – руководило ею безраздельно. Артур перед смертью предупреждал ее об опасности, он предвидел, как будут развиваться события. Зря Нина ему не верила, считала, что у него не все в порядке с психикой, списывала его видения на алкоголь и расстроенный ум.

Она отнеслась серьезно к словам Артура только после того, как его не стало. Это оказалось его последним и решающим доводом – смерть. Почему люди так беспечны? Откуда в них это безрассудное бравирующее упрямство? Это нежелание видеть что-то, выходящее за привычные рамки? Эта душевная и умственная лень, граничащая с глупостью?

Нина всегда считала себя мудрой и дальновидной женщиной. Она редко поддавалась эмоциям, рассуждая трезво в непредвиденных и запутанных ситуациях, которых в ее жизни с Артуром Корнилиным было хоть отбавляй. Кроткий и отходчивый нрав помогал ей уживаться со взрывным темпераментом супруга. Но последний год оказался невыносимым даже для нее. Ситуация накалялась и выходила из-под контроля. Нина силилась вспомнить, что послужило толчком, спровоцировало резкие изменения в характере Артура. Откуда появился тот патологический страх, который буквально сводил его с ума?

Постепенно она сама начала бояться. Страх проник в нее незаметно, исподволь и подчинил ее волю, как до этого подчинил волю Корнилина. Не надо было ему ездить на лесное озеро к деду Илье и его странному семейству. Сколько

с тех пор прошло времени! Кажется, что целая вечность... А на самом деле каких-то несколько месяцев. Неужели только прошлым летом Артур ездил в харьковские леса искать натуру для своих знаменитых картин «Изгнание из рая» и «Царица Змей»?..

Может быть, именно с этого все и началось? Может, и правда озеро заколдованное и Царица Змей, настоящая, а не выдуманная, посмотрела художнику в глаза своими пылающими зелеными очами и погубила навеки?

Нину сотрясал ледяной озноб. За окном, у которого она стояла, расстилалась земля Франции – на холмах вдалеке горели ритуальные костры, в холодной ночи свершалось таинство общения с мертвыми. Дикая игра под беззвездным небом...

Нина отошла от окна и задвинула шторы. С тех пор как умер Артур, она нигде не чувствовала себя в безопасности.

«Беги!.. – вспомнила она его дрожащий шепот, горячий блеск глаз. – Прячься... Если меня не станет, ты окажешься один на один *с ними*... Никому не говори, где ты, куда едешь... Исчезни, не оставляя следов. Иначе...»

Тогда Нина уже ощущала страх, но думала, что заражается безумием от Корнилина. Он оказался прав, предсказывая свою смерть. Пожалуй, даже лесное озеро тут ни при чем. Все началось гораздо раньше, когда у Артура вдруг появились видения, которые он переносил на свои полотна с такой гениальностью, что хотелось плакать и таять от восхищения

и восторга...

Нина вспомнила, как художник лежал мертвый в своей мастерской, усыпанной осколками гипсовых масок и глиняных кувшинов, среди разбросанных холстов, красок и кистей, – одинокий, уже отрешенный от мира, где никто до конца его не понимал, даже она, женщина, которую он любил. Слезы потекли по ее бледному лицу...

– О Господи, Господи! – взмолилась Нина. – Почему все это происходит со мной? Как я очутилась совсем одна, в чужой стране, где все чужое и все чужие? Где никому нет дела ни до меня, ни до моего горя, ни до Артура? Его картины представляют коммерческий интерес, только и всего. Деньги! Вот идол, которому поклоняются люди. Напрасно я приехала сюда...

Она присела на высокую деревянную кровать, украшенную старинной бретонской резьбой, и устало вздохнула.

Убегая из Харькова, она, объятая страхом, сначала уехала в Кострому, где гостила у тетки. Долго там не задержалась. Гонимая неведомой опасностью, Нина переезжала с места на место, меняла города и поселки русской глубинки, пока наконец не остановилась в крохотном рыбацком селении близ озера Хандога, затерянном на необъятных просторах Архангельской области.

Нина ходила в лес по грибы и ягоды вместе с Евдокией, у которой она снимала комнату в деревянном рубленом доме, сухом и теплом, полном запаха лампадного масла и домаш-

него хлеба. В большой горнице висели иконы, под потолком сохли пучки трав.

Муж Евдокии уходил на охоту и пропадал неделями, женщины тем временем говорили обо всем, что приходило в голову.

Евдокия жаловалась, как ей надоело одно и то же: лес, озеро, несколько домов на берегу, жареная рыба, соленые грибы, клюква, стук дождя по крыше, зимой снег по пояс, мороженое мясо, нескончаемые метели. А Нине все нравилось. Грибы собирать было одно удовольствие – присядешь на корточки и не вставая наберешь целое ведро волнушек или оранжевых подосиновиков.

Нина успокаивалась, приходила в себя. Где-то далеко остались городская суэта, шум и тревоги. И даже неведомая опасность словно отступила...

Казалось, на тысячи километров вокруг нет ни души. Невозможно было представить, что кто-то доберется сюда, на край земли, чтобы расправиться с ней так же, как расправились с Артуром. Неизвестные враги стали казаться сном, порождением ночных кошмаров. Таинственный «черный человек» – проклятие гения, – который приходил к Артуру накануне его смерти, тоже превратился в плод больного воображения сначала художника, а потом и ее, Нины. А может, и в самом деле она все это выдумала?..

Она вспомнила, как прощалась с опустевшим харьковским домом, бродя по комнатам, еще хранящим запахи мас-

ляных красок и индийских благовоний, которые любил муж. Массивная деревянная кровать, сделанная на заказ по эскизам Корнилина, так и не продалась. Никто не пожелал ее приобрести. В изголовье кровати был потайной ящичек – причуда хозяина. Артур никогда ни при ком не открывал его, даже Нина не знала, что там хранится. И не интересовалась. Ей хватало других забот и хлопот, то тому же Корнилин терпеть не мог расспросов и говорил что-то только тогда, когда сам считал нужным. Нина привыкла к этому и не приставала по пустякам. А когда он умер, мысль о ящичке просто не пришла ей в голову. Сразу столько навалилось – горе, страх, похороны, распродажа имущества...

В спальне пахло валериановыми каплями. Здесь она расчесывалась, готовясь ко сну, в ту самую ночь, когда Артура не стало...

Кровать стояла без матраса и подушек, разоренная, ставшая ненужной. У Нины вдруг сильно забило сердце. Она подошла к изголовью и нащупала внизу планку с пружиной. Механизм оказался исправным, и потайной ящичек выдвинулся быстро и бесшумно. У нее перехватило дыхание, когда она увидела несколько толстых тетрадей в кожаных обложках...

Тетради – это единственное, что Нина взяла с собой кроме документов и денег, пускаясь в свое непредсказуемое путешествие. Только в Костроме у двоюродной тетки, закрывшись вечером в комнате, она открыла тетрадь. Руки ее дро-

жали, по лицу текли слезы. Это были дневники Артура...

Нина вздохнула и закрыла тетрадь – она поняла, что пока не в силах прочитать ни строчки. Ей захотелось немедленно уехать еще дальше на север, исчезнуть, затеряться в глуши. Следующим утром она отправилась на вокзал и села в поезд. Нина ехала все дальше и дальше в сторону Белого моря – за окнами вагона тянулись редкие поселки, бесконечная полоса вековых елей. На затерянной в лесах станции она вышла. Пересела на автобус... Так добралась до Хандоги.

Здесь, у Евдокии в доме, она остановилась. Как надолго? Бог знает! Нина решила полагаться на свою интуицию. Теперь пусть чутье ей подсказывает, как жить, что делать.

Безлюдье и тишина вернули Нине душевное равновесие. Она решила взяться за дневники Артура.

Почерк у художника был неразборчивый, а в этих тетрадях – особенно. Как будто Корнилин писал их в темноте, в подпитии или спросонья... ни слова не разберешь! Уж на что Нина умела читать каракули супруга, но тут и она стала в тупик. Прочтение дневников оказалось делом кропотливым и медленным. К тому же Нина старалась читать, только оставаясь в доме одна, когда муж Евдокии уходил на охоту, а сама хозяйка уезжала в соседний поселок к сестре. Тогда Нина запирала двери, зажигала настольную лампу и садилась разбирать записи в тетрадях. То, что удалось прочесть, она переписывала наново, и так постепенно, страничка за страничкой, дело продвигалось.

Сентябрь моросил нескончаемыми дождями. Нина заскучала и напросилась с Евдокией в гости к ее сестре. Соседний поселок оказался больше – в нем было дворов двадцать и, самое главное, имелись почта и телефон.

Сестра Евдокии угощала их жареной рыбой и пирогами с брусникой. От бани Нина отказалась, решила прогуляться. Она зашла на почту и позвонила тетке в Кострому. Старушка сообщила, что Нине пришло письмо.

«Это от маклера, – догадалась Нина. Но почему-то испугалась. – Наверное, дом продан».

– Не звонишь, а ведь обещалась, – причитала тетка. – Я совсем одна, помирать скоро буду. Приезжай...

– Обязательно, только не сейчас...

– Обманешь ведь, знаю... – заплакала тетка. – С письмом-то чего делать? Выслать тебе, что ли?

– Вышли, пожалуйста. – И Нина продиктовала адрес поселка.

В эту ночь она так и не смогла заснуть. Оживший страх вновь завладел ею, вызвал сердцебиение и головную боль.

– Ты, часом, не заболела? – спрашивала Евдокия, с тревогой глядя на гостью. – Прямо сама не своя стала! Я тебе травы заварю, выпьешь.

Нина послушно пила, но болезненное беспокойство не проходило. Вскоре на почту соседнего поселка пришло письмо от тетки. Маклер сообщал, что дом продан, деньги переведены на счет Нины и что он высылает ей еще письмо из

Франции. Всю остальную корреспонденцию, пришедшую на имя Корнилиных, он выбросил, как и было велено, а это решил все-таки переслать. Франция как-никак, Европа! Может, премия какая-нибудь Артуру? Мало ли...

Нина распечатала конверт, хотя ни слова не понимала по-французски, – но письмо оказалось на русском языке. Нину Корнилину приглашали к себе владельцы парижской галереи, которые хотят устроить выставку картин ее мужа, составленную из работ, хранящихся в частных коллекциях. Они предлагают мадам Корнилиной представлять на выставке творчество Артура Корнилина, прочитав несколько лекций по искусствоведению и написать в художественный журнал статью о жизни ее гениального супруга. Французские ценители искусства с нетерпением ждут мадам Корнилину в Париже. С визой хозяева галереи обещали помочь.

Франция! Лувр! Версаль! Лазурный Берег! Марсель, Бордо... Виноградники Лангедока! Эти названия музыкой зазвучали в голове Нины. Она с детства мечтала побывать во Франции, завидовала Сергею Горскому, и вот... ее мечты сбываются. Ее приглашают в Париж! Обещают интересную работу, деньги, путешествие по этой прекрасной стране...

Она согласилась без колебаний. Тем более что за границей ей будет спокойнее. Уж туда точно не доберутся враги Артура.

Глава 2

В Париже Нину встречали два пожилых француза. Именно они собирались устроить в своей галерее на Монмартре выставку работ Артура Корнилина.

– Мадам, – говорили они. – Никто лучше вас не сможет рассказать парижанам о творчестве вашего мужа. Оно такое необычное, загадочное и прекрасное! У нас не привыкли к столь пылкой игре воображения, столь изощренному полету фантазии...

Нина смотрела из окна автомобиля на набережную Сены, кружево Эйфелевой башни, на аккуратно подстриженные деревья, и ей казалось, что она спит и видит чудесный сон. Ее поселили в старинном городке близ Парижа, где на окраине возвышались величественные руины двух замков и монастыря, а на тесных улочках попадались заросшие травой и цветами остатки крепостных сооружений.

Месье Дюшан, старший компаньон, привез ее в домик, увитый розами и диким виноградом. Домик был двухэтажный, каменный, с черепичной крышей, огромной кухней и просторными комнатами, уставленными громоздкой деревянной мебелью.

Хозяйку дома звали Жаннет. Несмотря на преклонный возраст, она оказалась весьма подвижной, разговорчивой и прекрасно справлялась с домашними делами. Жаннет пока-

зала Нине ее комнату на втором этаже: деревянные панели на стенах, бюро, старинная кровать-шкаф – все было покрыто великолепной бретонской резьбой. Нина ахнула. Каждая вещь, которой ей предлагали пользоваться в повседневной жизни, вполне могла бы быть музейным экспонатом.

Жаннет сносно изъяснялась на ломаном русском: ее покойный муж был эмигрантом, аристократом «из самого Петербурга». В том ужасном сыром климате он подхватил чахотку, потому и скончался так рано. Пожилая дама говорила об этом без слез – она давно свыклась с одиночеством. Жаннет обожала шоколад, красное вино и устриц с лимонным соком. Еще она любила курить у окна. В связи с возрастом она могла позволить себе одну сигарету в день, и это было для нее настоящим наслаждением.

– У меня осталось мало радостей, – говорила Жаннет, застенчиво улыбаясь.

Нина решила в свободное от подготовки к выставке время всерьез заняться дневниками Артура, но все не получалось. Ее приглашали то в кафе, то в какой-нибудь музей, то на прогулку по Монмартру, то... словом, развлекали. Французы любят свою страну. Вокруг Парижа располагались маленькие селения, уклад жизни которых не менялся уже пару веков. Рыночная площадь, мэрия и готический собор, необыкновенно изящный, со стройными, как бы летящими ввысь формами, – вот и весь центр, от которого лучами расходились узкие старые улочки, утопающие в садах.

– Я покажу вам долину Луары, где древние камни навевают ностальгию по рыцарским временам! – говорил месье Дюшан. – Мы будем пить настоящий коньяк и любоваться виноградниками, достойными кисти Ван Гога! Но только после вернисажа.

Картин Корнилина во Франции было немного, и хозяева галереи привлекли к своей затее еще несколько художников, работающих в похожей манере. Их оказалось всего трое, и Нине было неловко объяснять месье Дюшану, что откровенно слабые полотна не стоит вешать рядом с гениальными творениями Артура. Она вообще удивлялась, зачем ее пригласили, – такую выставку французы вполне могли организовать сами.

Нина готовилась к лекциям и по ходу сочиняла статью об Артуре. Для этого стоило использовать его собственные записи из дневников, которых никто еще не видел. Записки Корнилина могли стать сенсацией в Москве, Санкт-Петербурге и Харькове. А в Париже?.. Кто знает? Нина забыла об осторожности и решила посоветоваться со знакомыми Сергея Горского – девушками, которые приезжали вместе с ним на харьковскую выставку. Их звали Патрисия и Люсиль. Патрисия работала редактором в журнале «Искусство», совладельцем которого был Горский. «Мадам Корнилина» позволила ей. Та с готовностью откликнулась.

Встретились в маленьком уютном кафе на Монмартре. Девушки улыбались, курили и уговорили Нину заказать

«бланкет» – белое мясо под белым соусом. У Нины от вина и приятных впечатлений слегка кружилась голова. В окно кафе был виден ярко-белый, освещенный солнцем храм Сакре-Кер на вершине монмартрского холма.

– Месье Горский весьма удачливый бизнесмен, – на ломаном английском говорила Патрисия. – С тех пор как он стал совладельцем журнала, дела резко пошли в гору. Деньги текут рекой.

– Правда ли, что Серж потерял голову от любви? – спрашивала Люсиль. – Он перестал отвечать на звонки... и, похоже, отключил телефон.

– Бедный! – посмеивалась Патрисия. – С ним совершенно невозможно связаться...

Нина с извиняющейся улыбкой переспрашивала. Ее английский оставлял желать лучшего. Девушки проявили живой интерес к статье об Артуре и убедили Нину показать им материал. О таинственных дневниках покойного художника «мадам Корнилина» ничего не сказала. Ей хотелось, но... в последний момент она передумала. Остановил все тот же страх.

Осенний Париж был прекрасен. По мутной, как темное стекло, воде Сены плыли желтые и красные листья. Старики в беретах сидели на набережной с удочками. Остров Сите с собором Нотр-Дам, окутанным золотой дымкой, был похож на величественный корабль-призрак...

Нина вернулась домой в приподнятом настроении. Вече-

ром, когда неугомонная Жаннет улеглась наконец спать, гостя достала из-под кровати сумку, где она хранила тетради в кожаных переплетах. Вместе с дневниками Артура там лежала еще одна тетрадь – та, куда Нина переписывала с трудом разбираемые ею строчки. Их было не много.

Нина зажгла лампу и принялась за работу. Она надеялась, что эти записи откроют ей тайну жизни и смерти мужа, происхождение его мрачных и прекрасных видений.

Откровения художника оказались не совсем такими, как она ожидала. В них не было ничего личного, житейского, а также ничего, что проливало бы свет на появление «черного человека» или источник страхов Артура. Это были обрывочные, часто не связанные между собой описания людей, символов, образов, наполненных особым, понятным только автору смыслом. Складывалось впечатление, что Корнилин старался освободиться от преследовавших его галлюцинаций, перенося их на бумагу. Нина вчитывалась в слова и предложения до ломоты в висках. Порой она просто догадывалась о значении слова, а порой ей это не удавалось. Так что текст, который она старательно записывала в отдельную тетрадь, получался сумбурным, бессвязным.

Чем больше Нина втягивалась в это занятие, тем сильнее ощущала пугающее влияние образов и идей, теснившихся в голове Артура. У нее пропал сон. Ночами она словно блуждала в темных пространствах, полных причудливых химер³,

---

³ Химеры – фантастические чудовища.

нежных красавиц, зловещих ликов с горящими очами, великолепных змеиных тел, сияющих кристаллов и загадочных ритуальных предметов...

Нужно было торопиться. Время шло, расшифровка дневников продвигалась медленно, а сроки поджимали: статью еще полагалось перевести на французский. Ниной овладевали усталость и беспричинная тоска – «черная меланхолия», как она ее называла.

– Мадам Корнилина скучает по России, – заключила Жаннет, заметив ее подавленность. – Надо развлекаться, проводить время с мужчинами, а не сидеть и сохнуть от работы. Иначе испортится цвет лица и появятся морщины.

Осень стояла теплая и мягкая. Только три дня праздника Самхейна выдались непривычно холодными. Выставка все не открывалась, хотя давно было пора. Это удивляло Нину. Месье Дюшан приводил невразумительные объяснения, а его компаньон и вовсе отмалчивался, фальшиво улыбаясь.

– О, русские такие нетерпеливые! – воскликнул он, и Нина отметила, что впервые слышит его голос.

Она понимала смысл сказанного благодаря Жаннет, которая старалась помочь ей освоить язык. Бессонница и нервное возбуждение беспокоили Нину, и она попросила месье Дюшана найти ей врача. Доктор был очень любезен, подчеркнул вежлив, внимателен, но не нашел у нее ничего серьезного.

– Мадам переутомилась, ей нужно больше гулять, хорошо питаться и принимать успокоительное.

Он выписал рецепт и распрощался.

– Теперь я буду подавать на обед жареную форель, а на ужин омаров под майонезом, – объявила Жаннет, провожая доктора. – И вино! Это будет лучшим лекарством.

Доктор улыбался и кивал головой, он был уверен, что обычная женская хандра скоро пройдет. Ему захотелось прогуляться пешком. Вечерело. В воздухе пахло мокрой листвой. Доктору понравилась русская гостья – мадам Корнилина. Красивая женщина! Выразительные глаза, тяжелый узел волос на затылке, открытый лоб, приятный грудной голос, порывистые движения – есть в ней что-то азиатское, необузданное... чего нет во француженках. Давно нет...

Таблетки, выписанные вежливым доктором, помогли, но ненадолго. Беспокойство и страх на время отступили, чтобы возобновиться с новой силой. Нина решила заниматься записями Артура днем, а вечером гулять. Возвращалась домой разбитая. Жаннет кормила ее ужином, они болтали, и «мадам Корнилина» поднималась на второй этаж в свою комнату.

Тетради с неразборчивыми строчками действовали как наркотик. Она слишком много думала о том, что крылось за каракулями Артура, становилась такой же одержимой, как он.

Иногда ей казалось, что дневники писал не Артур – кто-то другой водил рукой художника. Особенно поразил ее сюжет картины, которая осталась ненаписанной. Зато название

у нее уже было – «Магия». Вся композиция строилась вокруг образа Розы. Возможно, Артуру просто нравилась форма цветка, замысловатая и пышная, полная обольстительных выпуклостей и эротических изгибов, скрывающая сердцевинку как последнюю неразгаданную тайну. Магический круг очерчивал пространство около мрачного трона, на котором угадывалась фигура, утопающая в складках черного плаща. Круг вспыхивал красным, освещая трех коленопреклоненных рыцарей. На их лицах – черные маски. За пределами круга, на свету вьется всякая нечисть – летучие мыши, уродцы, ведьмы, птицы с хищными клювами на человеческих лицах... В центре картины тьма сгущалась, скрывая Розу, которая мерцала, словно черная жемчужина в свете тусклой луны...

Это не похоже на Артура. Нина как никто другой знала, что Корнилин не писал безобразное. Он ненавидел некрасоту и несовершенство. Его гений – Аполлон, светлый и солнечный бог идеальных форм. Таковы были и картины художника, полные сверкающих красок, изящных линий, великолепных женских и мужских тел, поразительных по красоте лиц, чудных животных, блестящих тканей и драгоценностей. Любую идею, самую, казалось бы, зловещую, талант Артура облакал в сияющие нетленные одежды красоты, наполнял светом и любовью каждую деталь, какую бы смысловую нагрузку она ни несла.

Тем более странным и необъяснимым представлялось Ни-

не его последнее видение, которое она для себя окрестила «черной розой». К счастью, Корнилин не успел перенести на полотно эту мрачную фантазию ночи. Картина «Магия» так и не вышла из-под его кисти...

Когда Нина сочла, что материала для статьи достаточно, она с облегчением вздохнула. О «черном человеке» писать не стоит. У мужа, скорее всего, начала развиваться душевная болезнь, вот он и воображал невесть что. Раздвоение личности – такое бывает. Людям об этом знать не обязательно.

Шли дни. Мокрый снег падал на черепичные крыши городка, в котором жила Нина. Прохожие оделись в плащи и куртки. Плющ на стенах дома по утрам становился седым от изморози.

Жаннет суежилась, стараясь кормить гостью по-вкуснее, пекла бисквиты и грела красное вино. По вечерам она разжигала старинный очаг, и они с Ниной долго сидели у огня, слушая, как потрескивают поленья. Хандра не проходила. Снова вызвали вежливого доктора, который выписал новую порцию таблеток. Он остался на ужин и с аппетитом уписывал форель с овощами, расхваливая стряпню Жаннет. Доктор смеялся и оживленно говорил, откровенно любуясь редкостной теплой и мягкой красотой «мадам Корнилиной».

– Когда наконец откроется выставка вашего мужа? – поинтересовался он.

– Скоро, – застенчиво улыбнулась Нина.

Жаннет захлопала в ладоши. Она сказала, что месье Дю-

шан обещал устроить грандиозный фуршет и пригласить всех – ее, сотрудников журнала «Искусство», прессу, коллег-лекционеров и поклонников живописи со всей Франции.

Нина спохватилась, что совсем забыла о родителях Сергея Горского, которые жили в Париже, и о нем самом. Как это вылетело у нее из головы?! Может быть, Горский как раз вернулся во Францию? Надо будет обязательно узнать и пригласить их всех на вернисаж...

Через неделю состоялось торжественное открытие выставки. Картины Артура вызывали жутковатый восторг, смешанный с желанием разгадать тайну, выраженную художником языком символов. Особенное внимание привлекло раннее полотно Артура, которое называлось «Алхимик». Прекрасный юноша, одетый по флорентийской моде эпохи Возрождения, раздувал огонь, чтобы приступить к опытам. Его мастерская была полна предметов непонятного назначения, колдовских приспособлений и магических знаков...

Посетителей было много, но не столько, как ожидалось. Впрочем, Нину это даже радовало. Ее утомляли шум и суета. Доктор навещал ее через день, приглашал на прогулки, и они допоздна бродили по белым от снега улочкам.

В журнале «Искусство» вышла переведенная на французский язык статья Нины о творчестве Артура Корнилина. Публикация понравилась. Тираж был распродан за несколько дней. Статья называлась «Сны Аполлона» и повествовала о рождении картин, о замыслах художника, его мечтах и пла-

нах, которые прервала загадочная и трагическая смерть...

Вскоре после этого Нине приснился Артур. Как будто он разбудил ее посреди ночи и принялся укорять:

– Почему ты меня не послушалась? Я же предупреждал, что они убьют тебя! Не надо было трогать мои дневники. Я хотел сжечь тетради, но не успел... Уезжай, Нина! Они уже идут по следу...

– Кто «они»? – спрашивала Нина, холодея от знакомого страха.

– Черный человек... он придет...

Нина проснулась в лихорадочном возбуждении, потянулась за таблетками. Проглотила одну, потом вторую. Едва она смежила веки, как жуткий сон возобновился. Черный человек сидел у ее изголовья и протягивал целую горсть таблеток:

– Пей... и тебе станет легче... – шептал он. – Ты все забудешь: покойного мужа, его картины, его безумные записки. Кстати, где они?

Ночной гость оглядывался, словно ища злополучные тетради, которые Нина спрятала...

Она старалась не думать о том, где лежат дневники. Понимая, что именно этого от нее ждет черный человек. Артур ничего не придумал. Он существует, этот призрачный вестник смерти. Теперь он пришел за ней...

Нина глотала таблетки, пока призрак не исчез в серой рассветной мгле.

Утром она с невероятным трудом открыла глаза. Голову было не оторвать от подушки, ватное тело отказывалось подчиняться...

Жаннет вызвала доктора.

– Мне приснилась моя смерть, – твердила вдова художника. – Он приходил за мной...

– Кто?

– Черный человек...

Доктор и Жаннет успокаивали ее, не подозревая, что кошмарный сон вот-вот исполнится...

Глава 3

Сергей Горский не ожидал, что в Париже его встретит настоящая зима.

В Москве бушевала метель, и он сутки просидел в аэропорту. Пассажиры нервничали, пили много кофе и коньяка, смотрели в окна на снежную круговерть. Сергей последовал их примеру. Коньяк снял напряжение, и он задремал. Во сне перед ним стояли огромные, светлые, как озера, глаза Лиды. Ее лицо было печальным. Казалось, она хочет что-то сказать ему...

«Мы даже не успели как следует попрощаться», – подумал Горский, просыпаясь.

Наконец вылет разрешили. В комфортабельном салоне авиалайнера было тепло, ровно гудели двигатели, красавица-стюардесса с осиной талией разносила воду и спиртное. Горский расслабился. Сиур и Влад⁴, его новые московские друзья, обещали подстраховать и, по-видимому, справились со своей задачей, так как все обошлось благополучно. Вначале Сергей пытался обнаружить их присутствие: незаметно оглядывался, наблюдал за окружающими из-под прикрытых век, внезапно останавливался у витрин киосков, но так ничего и не заметил. Его друзья действовали профессиональ-

---

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Ожидай странника в день бури».

но, так что ему не о чем беспокоиться. Но волнение не покидало его.

– Что будете пить?

Горский вздрогнул – перед ним стояла стюардесса с тележкой, уставленной напитками.

«Почему я все еще напряжен? – с досадой подумал он, беря стакан с соком. – Я уже в самолете, все хорошо, меня никто не преследовал, не пытался убить. Неужели я просто боюсь?»

Его обдало жаром. Горский в общем-то не считал себя трусом. Он принялся смотреть в иллюминатор, за которым ничего не было, кроме беловатой мути. Родителям Сергей не стал сообщать о своем приезде, пусть это будет для них приятным сюрпризом. Он не хотел, чтобы его встречали. Мало ли что...

«Опять? – разозлился он на себя. – Нельзя думать о плохом. У меня все получится. От меня ждут действий и новостей, на меня надеются, а я веду себя как робкая институтка на офицерской попойке. Хорошо, что Лида этого не видит!»

Горский провел рукой по груди и облегченно вздохнул. Все в порядке: медальон на месте. Это придало ему спокойствия. В Париже нужно разыскать Лили и во что бы то ни стало узнать у нее, кто продал ему флорентийский медальон. Он не сомневался – магический амулет охраняет его. С ним ничего не может случиться...

Адрес во Франции, который дал ему экстрасенс Азарий

Ерофеев⁵, Сергей выучил наизусть. После Лили он пойдет по этому адресу.

Полет закончился. Горский получил багаж, взял такси и отправился на свою квартиру. Над Сеной стелился туман. Набережная тонула в нем, по проступающим темным стволам деревьев угадывались бульвары и аллеи.

Сергею не верилось, что он снова здесь, что поездка в Харьков на выставку Корнилина изменила его жизнь. Он уже не тот самоуверенный, жесткий и удачливый господин, хладнокровный игрок, любимец женщин и расчетливый бизнесмен. Несколько месяцев, проведенных на родине, сделали его другим. Неужели все произошло на самом деле? Купальская ночь, смерть жены, флорентийские сны, монастырь, Лида... А может, он все это придумал? Сюжет для ненаписанной книги...

Консьерж приветливо поздоровался с Сергеем, будто тот и не уезжал.

– Почту я передавал мадам Клод, когда она приходила убирать, – сказал он, близоруко щурясь. Перед ним на столе дымился кофе, булочку с сыром он держал в руке. – Превосходный свежий сыр, месье! К нам с женой приехали родственники из Прованса...

Горский кивнул, поднимаясь по лестнице. Латинский квартал, засыпанный снегом, улыбка консьержа, знакомая

---

⁵ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Опасайся взгляда Царицы Змей».

дверь – все это делало нереальной опасностью, которая не давала ему уснуть в самолете. Он совершенно успокоился, повесил на вешалку мокрую куртку и прошел в комнату.

Здесь царил идеальный порядок, все блестело – мадам Клод не сидела сложа руки. Сергей раскрыл окно, выпуская холодный воздух. События в Харькове показались ему дурным сном. На низком столике лежали несколько журналов «Искусство», которые регулярно присылала ему редакция, стопка рекламных буклетов и несколько писем.

– Потом посмотрю, – решил Сергей, набирая номер телефона родителей.

Мама оказалась дома. Она работала переводчицей в посольстве, а отец – поваром.

– Серж! – обрадовалась она, привычно называя сына на французский манер. – Ты когда приехал? Я очень соскучилась! Прости, дорогой, но я уже убегаю – внизу ждет машина. Перезвони вечером.

Он усмехнулся – мать вечно торопится, все на бегу, впопыхах... Давно ли он сам был таким? Она научила его языкам: по-французски он говорил безукоризненно, по-английски немного хуже, а немецкий понимал и мог кое-как изъясняться.

Горский набрал номер Лили. Ее голос звучал глухо, как из далекого прошлого. Она была несказанно удивлена:

– Серж? Ты в Париже? Мы думали, ты уехал в Россию, надолго...

Она замолчала.

«Наверное, курит», – подумал Горский, представляя ее худое лицо, мундштук в длинных тонких пальцах, унизированных кольцами. Она обожала серебро и духи с запахом хвои.

– Лили... – Он прислушивался к себе, не екнет ли сердце, не забьется ли, как раньше, когда он не спал ночами, сходя с ума от желания и страха потерять ее навсегда.

Ничто не дрогнуло. Он был спокоен и холодно-любопытен: как она жила все эти месяцы? Что изменилось? По-прежнему ли она ходит в маленькое кафе на Монмартре, из окна которого видно, как художники в пестрых шейных платках предлагают прохожим свои картины. Сейчас там, наверное, пусто – из-за снега.

– Лили, – повторил он, словно пробуя ее имя на вкус. – Мы можем увидеться? Прямо сейчас.

Она еще больше удивилась:

– Ты хочешь? Но что...

– Мне очень нужно тебя увидеть! – перебил Горский. – Ты не занята?

– Нет, но...

– Тогда я еду!

Он решил не откладывать визит в долгий ящик. В конце концов, неизвестно, сколько понадобится времени, чтобы выудить у Лили нужные ему сведения.

Она сразу открыла, не успел он позвонить, как будто ждала у двери, прислушиваясь к шагам. Медный колокольчик

переливался в извивах крутой лестницы с коваными перилами.

– Серж?

Горскому показалось, что он видел ее вчера, до того все знакомо – впалые щеки, длинная шея, выпирающие ключицы в вырезе майки, сухие бедра, острые коленки. Неужели когда-то он целовал эти коленки, ощущая головокружение и дрожь в груди?.. Ничего похожего он сейчас не испытывал, просто смотрел...

– Можно войти?

Она молча посторонилась, пропуская его в прихожую. И здесь все по-прежнему – тот же запах сигарет, та же ветка сосны в керамической вазе, та же дубовая вешалка с подставкой для зонтиков, тот же светильник, который задеваешь головой, если вовремя не нагнуться...

Пока Горский ехал, у Лили промелькнули в голове сотни мыслей. Зачем он позвонил ей? Хочет возобновить отношения? На него не похоже... Когда ее родители намекнули, что он недостаточно обеспечен для женитьбы, Серж как будто с ума сошел. Он вел себя необъяснимо – пропал куда-то, не звонил. Оказалось, он зарабатывает деньги. Лили не верила, что у него получится. Во Франции он чужой... Но она ошиблась: Горский быстро наладил бизнес, ему везло. Его журнал начал приносить приличный доход, не говоря уже о торговле антиквариатом и предметами искусства.

Почему-то он передумал жениться на Лили. Ее родители

были удивлены.

«Это все гордость! – сказал тогда месье Тьерри. – У русских в глубине души бушует пожар, они все немного одержимые!»

Лили даже всплакнула, осознав, что Серж больше не придет. Он был так красив, что на него оглядывались, а в постели ему не было равных. Это она смогла оценить только теперь, когда у нее появился Франсуа, который по всем статьям проигрывал Горскому. Женщины становились просто невменяемыми в присутствии Сержа! Вряд ли, став ее мужем, он бы хранил ей верность...

Этими мыслями Лили успокаивала себя. Но только до того момента, как Горский переступил порог ее квартиры. Страсть и забытое желание вспыхнули с такой силой, что она испугалась. Оказывается, она ужасно соскучилась по его ласкам!

В комнате у Лили было прохладно и сумрачно. Сергей непроизвольно прикоснулся рукой к медальону, от которого исходило приятное тепло.

«Мне нужна твоя помощь, – мысленно обратился он то ли к амулету, то ли к Лиде, чей образ неотступно стоял перед ним. – Пусть Лили мне расскажет все, что ей известно».

Он вздохнул и опустил руку. Лили истолковала его жест по-своему:

– Тебе жарко? Может, открыть окно?

– Как живешь? – спросил он вместо ответа.

Она неопределенно повела тощими плечами, склонила голову набок. Когда-то ему до умопомрачения нравился этот жест! Он не переставал себе удивляться. Что могло привлекать в такой жеманной, насквозь фальшивой и пустой женщине, как Лили? Сколько безумств он готов был совершить ради нее! Дурак...

– Что тебе нужно? – спросила она раздраженно, словно угадав его мысли.

– Соскучился...

Она не поверила. Знакомая кривая усмешка и холодный взгляд Сержа говорили о другом.

– Приехал проверить, как идут дела, – добавил он. – И вот заодно решил тебя навестить.

Это было гораздо больше похоже на правду. Лили разочарованно вздохнула:

– Тебе везет! Деньги так и текут. Журнал процветает... и антикварный салон тоже.

– Кстати, – перебил ее Сергей. – Помнишь, ты помогла мне приобрести чудесную вещь перед отъездом?

Лили наморщила лоб:

– Какую?

– Вот этот медальон!

Горский вытащил из-под рубашки флорентийскую подвеску и показал Лили.

– Ты что, хочешь меня отблагодарить? Или есть претензии?

– Ни то ни другое, – улыбнулся он.

– Тогда в чем дело? – насторожилась девушка.

– Ну... у меня появились деньги, как ты знаешь. Много денег...

Лили понимающе кивнула:

– Ты бы хотел еще что-то купить?

– Вот именно! – обрадовался Горский. – Ты удивительно догадлива, милая. Я хочу воспользоваться тем же источником. Надеюсь, ты не забыла, кто продал мне подвеску?

Лили недовольно скривилась. Она была не прочь заработать, но... обстоятельства несколько изменились. Ее подруга Мари, которая продала флорентийский медальон, пожелала остаться инкогнито. Посредником сделки была Лили, и Серж не встречался с продавцом. Таковы были условия. Теперь Лили не обязана хранить тайну, потому что подруга внезапно исчезла. Просто уехала, и все. Никто не знает куда.

– Так что? – настаивал Сергей. Он видел, что Лили в замешательстве, но не понимал причины. – У того человека есть еще что-то интересное для меня?

– Видишь ли... Он... то есть она... запретила мне называть ее имя. Но теперь это не имеет значения.

– Прекрасно! Можешь дать ее телефон, адрес?

Лили отрицательно покачала головой.

– Бога ради, почему? – воскликнул Сергей. – За деньгами дело не станет. Когда вещь мне нравится, я не торгуюсь!

– Не в том дело. Она... уехала.

– Куда? Надолго?

Лили подозрительно посмотрела на Горского. Он волнуется?! Явление небывалое. Впрочем, если речь идет о редких антикварных вещах, то понятно...

– Не знаю, – ответила она. – Ее зовут Мари, мы вместе ходили в коллеж. А потом ездили друг к другу в гости на Рождество... иногда. Обычная дружба. Мари не обязана ставить меня в известность, куда едет. Личная жизнь у нее не сложилась... вот и отправилась разгонять тоску! Может, в круиз, а может... в провинцию, к родне...

– А где ее родня?

– Не знаю! – рассердилась Лили. – Я просто так сказала. Предположительно...

– Значит, это Мари продала мне медальон? – уточнил Горский.

– Да. Только она потребовала, чтобы никто об этом не знал. Она была странная... и муж у нее был странный.

– В каком смысле?

– Ну... я его видела только один раз. Взгляд у него тяжелый... Мари мне призналась, что боится его.

– Зачем же было за такого замуж выходить? – не выдержал Горский.

Ему вспомнилась Алена, их вечные скандалы, отчуждение и ненависть. Как получилось, что он на ней женился? Еще спрашивает про эту Мари! Как будто сам не переживал ничего подобного...

– До брака он казался ей другим, – объяснила Лили. – Добрым и вполне милым человеком. А потом...

– Превратился в монстра?

– Прекрати, Серж! Ты же сам спрашиваешь!

– Прости, – спохватился он, испугавшись, что Лили больше ничего не расскажет.

Она могла уходить в себя и не разговаривать сутками. Когда женщина недостаточно умна, гораздо лучше, чтобы она молчала. Но в данный момент Горскому было нужно как раз обратное.

– Муж Мари был таким страшным, что она не выдержала и бросила его... Так?

– Не так! – возразила Лили. – Это он ее бросил. Пропал в один прекрасный день, и все.

– Пропал?

– Как сквозь землю провалился. Мари его искала... ведь она жила в его доме. Там все было его... Мари не знала, как поступить с имуществом. Заявила в полицию о пропаже супруга. Его искали... только безрезультатно. Тогда Мари кое-что потихоньку начала продавать: ей понадобились деньги на жизнь...

– А почему она уехала? – поинтересовался Сергей. – Сама отправилась на поиски?

– Не думаю, – покачала головой Лили. – Наверное, просто боялась жить одна в доме. Я как-то была у нее в гостях... один раз. Жуткий дом. Больше двух дней я там не выдер-

жала. Темно, мрачно... какие-то узкие переходы... и стоит на отшибе. Это бывший замок, каких полно, – полуразрушенный, заброшенный. Ален отремонтировал только часть, а остальное так и лежит в развалинах. Отвратительное место и гадкий дом! Бедная Мари! Удивляюсь, как у нее хватило сил прожить там почти год...

– Ее мужа звали Ален?

– Да...

Лили встала и подошла к этажерке, которая едва не валилась от количества нагроможденных на нее вещей.

– Вот, смотри! – Она протянула Горскому фотографию в деревянной рамке. – Это Мари. Красивая, правда?

На фото две девушки в кимоно сидели в позе лотоса. В одной Сергей сразу узнал Лили, а другая... Стройная, уверенная в себе блондинка с развитыми мышцами и выразительным лицом. Такую испугать не просто.

– Мы медитируем! – с притворным вздохом объяснила Лили. – Когда ты меня бросил, я жутко страдала... Пришлось заняться йогой. Мари тоже нуждалась в успокоении. Это Франсуа нас сфотографировал.

Лили прикусила язык, но было поздно. Она поняла, что проговорилась.

– Франсуа? Кто это? Новый поклонник?

– Мой жених! – вызывающе сказала Лили.

Все равно Сержа ей уже не видать как своих ушей. Ничего не поделаешь! Эту игру она проиграла.

Горский хотел продолжить расспросы, но... увидел на фотографии нечто такое, что не сразу бросилось в глаза.

– Лили, давай выпьем, за встречу!

Она, пораженная, уставилась на него. Вот так Серж! Где его ревность? Мстительность? Желание взять реванш? Она-то думала, что он устроит ей сцену, а он... *Выпьем!* Все-таки он сильно изменился.

– Ладно, пойду принесу вина...

– Да. И захвати сыр. У тебя есть?

– Конечно...

Лили отправилась в кухню, а Горский тем временем поспешно вытащил фотографию из рамочки и спрятал в карман. Рамочку он, ступая на цыпочках, положил обратно на этажерку, засунув между книгами. Лили с ее рассеянностью не скоро обнаружит пропажу.

Она принесла бутылку бордо с терпким ароматом зрелого винограда. Закусывали холодным мясом, оливками и сыром.

Лили быстро опьянела и смеялась, прижимаясь плечом к Горскому. Тот не отстранялся.

Он ушел, когда за окнами начало смеркаться, а Лили уснула. Снег укрывал бульвары и крыши домов, наряжал деревья в причудливые белые одежды. Сергей поднял воротник, ожидая такси; его знобило...

Дома он первым делом достал из кармана фото – на заднем плане, неприметная, стояла фигурка Будды. Слишком знакомая.

Когда Лили была уже совсем пьяна, он спросил, что за статуэтка на снимке.

«Ах, это... – Она икнула и захихикала. – Ой, извини. Это Мари приносила с собой. Талисман! Может, останешься на ночь? Смотри, какой снег идет... Ты можешь за... мерзнуть...»

«В другой раз».

Глаза Лили сами собой закрывались.

Сергею не терпелось остаться одному, рассмотреть как следует фото: загадочную Мари, фигурку восточного божка... Он уложил Лили на диван, укрыл пледом.

«Я немножко подремлю... – пробормотала она. – Совсем капельку...»

«В первый же день такая удача!» – ликовал Горский. А ведь он еще даже не проверил адрес Ерофеева...

* * *

Валерия с трудом сдерживала слезы. Ах, какая тоска эти зимы! Беспробудность, беспросветность... Только снег и снег, всюду один снег...

– Никита! – позвала она раздраженно. – Ты где?

В доме было прохладно. Кафельная печь остыла за ночь, в комнатах стоял слабый запах перегоревших дров. Бабушка и мама Никиты уехали в Смоленск, к родственникам. Без них было скучно и тревожно.

Валерия накинула на плечи теплую шаль и спустилась на первый этаж. Дверь на веранду оказалась открыта, в большие окна смотрел белый от снега сад. На небе в красноватой дымке вставало солнце.

Никита вошел, неся огромную охапку дров. Валерию обдало холодным воздухом и запахом стружки.

– Ты уже проснулась? Иди в гостиную, сейчас я растоплю печь и камин.

– Я хочу в Москву, домой. Если бы ты знал, как мне надоели завывания метели по ночам! Как мне наскучила эта белая равнина за садом, этот черный лес...

– Что с тобой? Плохо спала?

Никита старался не обращать внимания на ее плаксиво-капризный тон, раздраженные нотки в голосе. Он был уверен, что в Москву им пока возвращаться нельзя. Но Валерия, похоже, не хочет больше ждать. Ее что-то угнетает. Она становится нервной и недовольной, по ночам бродит по комнате или подолгу сидит у затухающей печи, о чем-то думает...

Никита изменил свой образ жизни и теперь старался работать по ночам, когда Валерии удавалось уснуть, а днем проводил время с ней, не давая окончательно впасть в тяжелую хандру. У нее опять начался кашель и на глазах все чаще без всякой причины появлялись слезы.

Он положил дрова в камин, разжег огонь. Валерия уселась в мягкое кресло. Она куталась в шаль и плед и все равно

мерзла.

– Посиди тут, – сказал Никита, целуя ее висок, на котором билась голубая жилка. – А я пойду приготовлю нам поесть.

На кухне он немного успокоился, выбирая между ветчиной и свежим мясом. Пожалуй, лучше приготовить мясо с сыром и томатом, как любит жена.

По дому распространился запах специй и кофе. Никита положил в тостер кусочки белого хлеба и задумался. Ему не нравилось состояние Валерии – вялость, сменяющаяся вспышками негодования по любому поводу, отсутствие аппетита, скука. Только в постели, во время любовных ласк, ему еще удавалось пробудить ее к жизни.

За завтраком позвонил из Москвы Сиур, но ничего существенного не сообщил.

Горский улетел во Францию, но от него пока никаких вестей. Вадим куда-то пропал... Все остановилось, замерло, словно в преддверии какого-то значительного, важного события, которое должно было разрешить их судьбы.

Валерия вяло ковыряла вилкой мясо, но все-таки ела. Никита был рад и этому. Вчера она ни кусочка не проглотила, как он ни уговаривал. Сухое вино кружило голову.

– Тебе еще налить?

Она кивнула. Негромко потрескивали дрова. От камина шел жар, но Валерия не отодвигалась. Никита снял свитер. В дымоходе гудело, снова поднимался ветер.

– К вечеру будет метель, – сказала Валерия. – Опять ме-

тель! Какая тоска... Никита!

– Да?

– Принеси мне зеркало из спальни, не хочется подниматься наверх.

Он легко поднялся на второй этаж. Приятно было ощущать силу молодого здорового тела; десятилетия неподвижности казались дурным сном. Инвалидное кресло стояло в углу коридора, у его рабочего кабинета, как дань прошлому. Отчасти Никита был благодарен своей болезни – если бы не вынужденный домашний плен, он не нашел бы столько времени для внутреннего созерцания и познания себя.

Никита открыл дверь в спальню, взял с туалетного столика любимое зеркало Валерии и быстро спустился в гостиную.

– Спасибо.

Жена принялась разглядывать себя – тени под глазами, бледные щеки, губы без помады. Она обладала той особой женской красотой, которой все нипочем: никакие страдания, болезни, отсутствие макияжа и прически – ничто не могло ее испортить.

– Я отнесу посуду в кухню, – сказал Никита, собирая тарелки. – Хочешь еще кофе?

Валерия отказалась, увлеченная своим лицом в зеркале. Румянец исчез, но черты оставались необыкновенно привлекательными. Ей показалось, что из темной глубины зеркала за ее отражением появилось нечто жуткое...

Никита принялся мыть посуду, когда услышал ее крик.

Влетев в комнату, он увидел вытекающую из рамки ртутную массу зеркала и оцепеневшую от ужаса Валерию, белую, как снег за окнами.

– Ты поставила его слишком близко к огню, – сказал он, обнимая ее за плечи.

Валерия не поверила. Она просто его не слышала. Ей казалось, что из пустой рамки на нее смотрит другая женщина, очень похожая на нее, – смотрит долго, неотрывно и страшно – в глубине ее зрачков зарождается гибель Валерии. Губы женщины едва заметно кривятся в зловещей улыбке, а на лбу качается и нестерпимо сверкает золотая подвеска, на которой выбит Знак Рока...

– Валерия!

Голос Никиты вывел ее из столбняка, и она снова закричала, не в силах оторваться от страшного видения.

– Что с тобой?

– Там, там... – Она показывала рукой на зеркало, вернее, на позолоченную рамку, оставшуюся от него. – Там... та женщина и... Знак... – Ей едва удалось выдавить это, как сильный приступ кашля потряс все ее тело.

Никита ничего не видел, кроме расплавленного от жара стекла. На каминной доске стояли сухие веточки можжевельника. Словно в бреду, он увидел, как они занялись ярким, сверкающим пламенем...

Глава 4

Горские обрадовались приезду сына. Они могли не видеться месяцами, ничего не зная друг о друге. Отчаявшись увидеть Сергея, родители сами звонили ему, но чаще всего им приходилось общаться с автоответчиком.

В этот раз им удалось встретиться. Отец приболел, и мать осталась дома, чтобы присматривать за ним. В кои-то веки она смогла поговорить с сыном.

– Боже мой, Серж! – говорила мама, сдерживая слезы. – Мы почти забыли, как ты выглядишь. Расскажи, как живешь. У тебя уже есть девушка? Ты никого не нашел себе там, в Харькове? Как Москва?

– В Москве мороз, – отвечал он. – По ночам наметает сугробы по колено. Деревья все белые, под ногами скрипит снег...

Он понимал: мама искренне хочет, чтобы он наконец «устроил свою жизнь», остепенился. Она втайне надеялась, что сын женится на русской. Француженки были хороши для развлечений, но для семьи...

– Я был женат, мама, – признался Сергей, вспомнив вдруг, что он даже не пригласил родителей на свою свадьбу.

Уехав из Парижа на выставку Корнилина, он словно провалился в глубокий омут, и весь остальной мир перестал существовать. Неодолимое наваждение окутало его плотной

пеленой, лишив возможности не только правильно действовать, но и здраво мыслить. Теперь он чувствовал, как медленно поднимается из мутной глубины на поверхность, до которой все еще не близко.

– Что?

У матери пересохло в горле. Она не ослышалась? Серж сказал что-то о женитьбе? *Был женат?..*

– Я был женат, мама, – повторил Горский.

– Был? – переспросила она. – Ты что, развелся? Так быстро?

– Нет...

– Серж, я ничего не понимаю! Говори толком!

– Моя жена... Она умерла...

Мадам Горская схватилась за сердце.

– Ты шутишь? – спросила она на всякий случай, осознавая, что на этот раз сын говорит правду. – Отчего? Что случилось? О, Серж! Как же так...

Посвящать родителей в подробности он не собирался, но они не могут оставаться в полном неведении.

Мать была напугана услышанным, растеряна и совершенно забыла сообщить сыну о выставке работ Артура Корнили-на в галерее месье Дюшана, о статье в журнале «Искусство», которая наделала столько шума... Она села и опустила руки на колени.

– Где отец? – спросил Горский.

– Уснул у себя в комнате. Принял таблетку и снотвор-

ное... У него давление подскочило. Я закрыла дверь, чтобы мы его не разбудили. Поговорим сначала вдвоем.

Сергей покорно кивнул. Над столом висел оранжевый абажур, в гостиной пахло корицей и ландышевыми каплями.

– Сделать тебе чай?

– Лучше принеси коньяк, мама...

Она молча вышла и вернулась с бутылкой коньяка и двумя бокалами.

Как и предполагал Горский, беседа длилась почти до утра, пока за окнами не проступил хмурый рассвет. Всю ночь, шурша по стеклам, шел мокрый снег.

– Ужасная погода... – вздохнула мама.

История, рассказанная сыном, показалась ей страшной нелепостью. Нужно время, чтобы принять ее, смириться и решить, как жить дальше. Собственно, смерть ее невестки Алены, которую она в глаза не видела, произвела на нее впечатление постольку, поскольку это касалось Сергея. Жалко девочку, но... ничего исправить нельзя.

– Ты правильно сделал, что приехал, – сказала она. – Поработаешь, отвлечешься... Тираж твоего журнала растет, и прибыли тоже. Ты уже был в редакции?

– Не успел еще...

– Ты помнишь Нину, жену художника Корнилина? – вдруг спросила мама. – Это благодаря ей ты заработал кучу денег!

– Нина Корнилина здесь? – опешил Сергей.

– Да, и она написала потрясающую статью об Артуре!

Привезла с собой его дневники... Разве тебе не выслали на дом экземпляры журнала?

Сергей вспомнил разноцветную стопку журналов на столике в своей квартире, до которой у него так и не дошли руки.

– Подожди-ка, мам... Я ничего не могу понять. Какая статья, какие дневники? Артур погиб, Нина пропала... Она уехала из Харькова, не оставив адреса.

– Нину пригласил во Францию месье Дюшан, насколько мне известно. Мы виделись на выставке, – ответила она, с тревогой глядя на сына. – Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь?

– У меня в голове все перемешалось. Расскажи мне о Нине...

* * *

За ночь намело столько снега, что Сиур едва смог выехать. Скованный холодом город был девственно бел и безлюден...

Зато в офисе было тепло. Влад сидел перед экраном монитора и занимался видеонаблюдением.

– Как раньше народ без видеокамер обходился?

– Нормально обходился, – ответил Сиур. – Кофе будешь?

Влад кивнул. Что бы ни случилось, аппетит у него оставался прекрасный.

– Горский не звонит... Не нравится мне это! Как он там?

– Позвонит, куда денется?

– Я сегодня связывался с Никитой, у него вроде все в порядке, – доложил Влад.

– Что значит «вроде»?

– Валерия немного хандрит. Кашель, страхи. С зеркалом что-то случилось... расплавилось...

– Не понял?

В воображении Сиура сразу возникла картина Корнилина «Натюрморт с зеркалом», с которой, собственно, и началось их более близкое знакомство с Никитой и Валерией. Вспомнился их подмосковный дом, старый сад, лес вдаль...

– У них там чуть пожар не случился, – продолжал Влад. – Слава богу, все обошлось.

– Это какой должен был быть огонь, чтобы зеркало расплавилось?

Ему стало не по себе. Кажется, затишье подошло к концу. Но ведь им самим надоели бездействие и неизвестность! Почему же теперь неприятный холодок подступает к сердцу?

– Ты мне еще не рассказал о Лиде...

– В деревне, кажется, все нормально, – неуверенно пробормотал Влад. – Мне голос ее показался странным, а так... ничего.

Мобильной связи в деревне не было, и Лиде пришлось идти на почту. Голос девушки в трубке казался тихим и невероятно далеким...

Лиде тоже было плохо слышно, и приходилось то и дело

переспрашивать. Ну что тут особенного скажешь? Все хорошо... Все здоровы... Дед Илья уже ходит в лес со своим ружьем, Иван лежит на печи и составляет план поиска сокровищ, баба Надя печет пироги и всех держит в строгости. Элина понемногу оживает... Никто чужой в лесном доме не появлялся. Вокруг тихо, дороги занесло снегом...

Но кое-что Лида утаила. В сердце ее после отъезда Сергея поселилась тоска. Откуда ни возьмись явились страшные мысли. А что, если он забыл ее? Встретил там, за границей, свою тощую Лили, и... поминай как звали. По ночам ей стала сниться Алена, иссиня-бледная, с запавшими глазами...

«Думаешь, я отдам тебе его? – шептала она. – Думаешь, твоя взяла? Дура бестолковая! Святая сестричка... И тебе греха захотелось? Разве не знаешь, что любовь самый великий грех? За него в пекле огненном гореть будешь! И никто тебя не спасет. Никто... Любовь – пламя адское, неутолимое, его ничем не погасить. Сгоришь ты в нем, как я сгорела... И Марфа тебе не поможет! Нет ее больше, Марфы... И меня нет. Ты одна осталась...»

Алена хохотала, блестя зубами, закидывая красивую голову. Потом вдруг являлся Лиде гроб и в нем Алена, тянущая к ее горлу серые, тронутые разложением руки с длинными ногтями...

Лида кричала, но из ее сомкнутых уст не раздавалось ни звука, как это бывает в кошмарном сне. Ей хотелось проснуться, но что-то давило на грудь, не давало вздохнуть,

раскрыть глаза... По утрам Лида долго не могла успокоиться и встать с постели. Она похудела, извелась. Только Элина своим присутствием разгоняла ее печаль. Они часто сидели вместе у окна, глядели на заснеженный лес...

Об этом в телефонном разговоре с Владом Лида умолчала. Но полный невысказанной грусти голос поведал ему больше, чем слова. Горский уехал не куда-нибудь в соседнюю деревню и даже не в Москву. Он уехал во Францию, где все другое – города, дома и люди. Там другая жизнь и другие женщины, которые по-другому одеты и по-другому любят... Вернется ли он оттуда? Бог весть...

– Должен вернуться, – сказал Сиур. – У нас с ним договор. Он мужик крепкий, не подведет. Только бы глупость какую не сотворил сгоряча!

– Ты что, мысли читаешь или я вслух думаю?

– И то и другое. Ладно, давай приниматься за работу...

Поглощенные делами и заботами, они не успели опомниться, как за окнами стемнело. По дороге домой заехали в супермаркет, купили вина и закуски. К ночи мороз усилился, в лицо дул ледяной ветер. Они складывали пакеты с едой в машину, когда зазвонил мобильный.

Сиур знаком показал Владу, что это Горский. Тот облегченно вздохнул.

Новостей у Горского было хоть отбавляй. Во-первых, он узнал, кто продал ему медальон.

– Мари? Кто такая? Откуда у нее подвеска? – спросил Си-

ур.

– Я бы сам хотел узнать. Мари исчезла... куда-то уехала. Но я знаю ее адрес.

– Нужно разыскать ее...

– Попробую. И еще: у Мари была статуэтка Будды. Я видел ее на фото...

Сиур не поверил своим ушам. Честно говоря, он не особенно надеялся, что Горскому удастся получить какие-то важные сведения.

– Статуэтка? Но тогда... Мари может уже не быть в живых...

– Я тоже об этом подумал, – согласился Горский. – Фото я на всякий случай взял, вышлю вам по электронной почте. Есть кое-что еще! Нина Корнилина приехала во Францию по приглашению некоего месье Дюшана. Она привезла с собой дневники Артура...

Сиур выслушал подробности не перебивая. Когда Горский сделал паузу, чтобы передохнуть, он спросил:

– Где дневники? Ты видел Нину? Говорил с ней?

– Нет...

– Почему? Вот чудак! Это же надо было сделать в первую очередь!

– Нина умерла, – сказал Горский. – Она плохо себя чувствовала в последнее время. Я говорил с ее доктором. У нее была депрессия, слабое сердце, ну и...

– Что?

– Доктор сказал, что она принимала снотворное. Таблетки плохо ей помогали, и она увеличивала дозу. В тот вечер... Нина приняла их слишком много. Ей удалось наконец уснуть... вечным сном.

– Ты в это веришь?

– Доктор сказал, что смерть Нины не вызвала никаких подозрений ни у него, ни у полиции. Обычная передозировка. Но я так не считаю. Она написала статью в журнал, используя материалы из дневников Корнилина... и вскоре выпила слишком много снотворного! Странное совпадение, тебе не кажется?

– Кажется...

– Это еще не все. В доме, где жила Нина, не нашли никаких дневников Артура! Их и след простыл. Однако полиция уверена, что знаменитых «записок Корнилина» вовсе не было, что это рекламный трюк, выдумка издателей и загадочной вдовы с целью сорвать куш побольше. Ты представляешь? Многие здесь думают так же.

– А ты?

– Я-то не сомневаюсь: дневники были, – заявил Горский. – Были! Из-за них Нина и погибла. Ее смерть не случайна...

– Жаль, – огорчился Сиур. – Все ниточки обрываются прямо у нас перед носом.

– Осталась статья, где использованы записи...

– Ты читал статью?

– Разумеется... Только не ждите от меня комментариев...

Я пока не готов это обсуждать.

Сиур думал, как предупредить Горского об опасности так, чтобы тот понял всю серьезность положения.

– Теперь ничего больше не предпринимай. Ты меня понял? Ни-че-го.

– Как? А Ерофеев? Я еще не проверил адрес, который он дал мне...

– Послушай, – Сиур старался говорить спокойно. – Ты ни в коем случае не должен идти по этому адресу.

– Но ведь раньше мы договаривались...

– Раньше я ничего не знал о Мари, о статуэтке, о смерти Нины Корнилиной. Адрес Ерофеева – это ловушка, капкан! Не вздумай сунуть туда нос...

Глава 5

Избранный медленно пробуждается от своих снов. Еще несколько дней и ночей пройдет, прежде чем северная роза утвердит великую тьму...

О странник, заблудившийся между мирами, приди в мои объятия в час, когда одинокая комета сгорает в черной глубине неба! Когда, рожденная во время луны, вновь разгорается битва мрака! Объединяются два сердца, меч и кубок вновь встречаются... Дьявол над землей, Ангел преисподней застыл, слушая песню пророка: дрогнет ли луна, разгорится ли летящее пламя, одержат ли победу орел и солнце?..

Начало и конец подобны колесу, вращающемуся в Пространстве Тьмы в глубине великих вод...

Вадим вскочил и сел, утирая испарину. Снова вернулись ужасная головная боль, ночные кошмары.

В приоткрытую балконную дверь дуло ледяным воздухом и снегом, но он не чувствовал холода. Лицо горело, сердце билось частыми толчками. На столике напротив его постели стояла фотография Евлалии – та самая, из квартиры Тины⁶. Она сделала ему сказочный подарок – теперь глаза Евлалии сияли перед ним, черные, как безлунная ночь, а губы слегка улыбались... Он бы все отдал за один их поцелуй...

---

⁶ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Ожидай странника в день бури».

– О, Евлалия, если ты меня покинула... то и я хочу туда, где над нами будут шуметь деревья и шелестеть в мягкой траве дожди. Зачем я блуждаю в этом холодном мире один, без тебя? Приди же за мной, возьми меня за руку и уведи в страну вечного молчания... Я хочу быть с тобой – под любым солнцем или в полной тьме, лишь бы ощущать твоё дыхание, слышать стук твоего сердца...

Вадим разговаривал в ночной тишине то ли сам с собой, то ли с Евлалией... Ему казалось, что она слышит его.

Он устал. Как же он устал от тяжкой, неизбывной тоски по ней! Роль наемного убийцы уже не увлекала его, как раньше. Он выполнял «заказы» словно автомат, не задумываясь. После гибели брата у него все чаще появлялись мысли о собственной смерти. Но что-то мешало ему свести счеты с опостылевшей жизнью – жизнью без Евлалии. Что-то неоконченное, несделанное все еще держало его здесь. Час не пробил. У него еще есть время для чего-то важного, которое вот-вот должно свершиться...

Вадим лег и долго смотрел, как передвигаются по потолку полосы света от проезжающих автомобилей. За окном заунывно пела метель. Боль в висках и затылке стала ослабевать, и ему удалось наконец уснуть...

Вновь выплыло из забытья нежное лицо Евлалии. Она звала его, но куда?... Она ждала от своего рыцаря поклонения, жертв и безумств. Она жаждала любви полной, чтобы раздвигались границы миров и луна замирала от зависти...

Утром Вадим встал посвежевший и бодрый. Головная боль исчезла, как не бывало.

Он посмотрел на часы. Сегодня предстоит поработать днем, хотя это довольно опасно. Но риск – словно хмель, которого так не хватает! Вадим быстро оделся, захватил все необходимое и вышел в синеватую мглу...

Морозный воздух обжигал легкие. Над Москвой занимался ледяной рассвет...

* * *

Горский, окрыленный успехом, пропустил мимо ушей предупреждение Сиура. Все казалось таким мирным, таким безопасным – ленивое течение Сены, талый снег на тротуарах, запах бифштексов в маленьких уютных кафе...

Исчезновение Мари можно было объяснить вполне обычным образом: душевная травма, разочарование в жизни – вот и отправилась дама в путешествие, развлекаться, новые знакомства заводить.

Смерть Нины Корнилиной, конечно, настораживала, но... в конце концов, после того, что случилось с Артуром, она и вправду могла заболеть. Доктор это подтверждает.

То, что Нина оказалась здесь, – неслыханная удача! Франция преподносила сюрприз за сюрпризом. Дневники Корнилина! Сергей уж и не чаял их увидеть, а тем более прочитать. Когда Патрисия отдала ему толстую тетрадь в клеенча-

том переплете, густо исписанную ровным почерком Нины, у него дыхание перехватило. Взяться за тщательное изучение дневников у него пока не получалось, но записи произвели на него странное и захватывающее впечатление. С первой же строчки ему стало ясно, что текст принадлежал Артуру, а не его жене. Нужно было совершенно не знать Нину, чтобы заподозрить ее в столь мрачных и причудливых фантазиях.

Горский ощутил азарт охотника, который чувствует приближение дичи. Он на верном пути. Еще немного, и разгадка всех необъяснимых происшествий в Москве, Харькове, в лесном доме деда Ильи и даже в далекой Флоренции времен правления Медичи свалится прямо ему в руки! Тогда он сможет написать роман почище того, что задумал. Ведьмы! Это уже не казалось ему привлекательным. Тут пахнет кое-чем посерьезнее...

На этом его воображение иссякало. Он чувствовал себя как перед наглухо закрытой дверью, за которой свершается некое священное таинство, от коего зависит его судьба... а он не в состоянии туда проникнуть.

Ну нет! На этот раз его не удастся оставить с носом! Он уже вырос из коротких штанишек. Он привык брать у жизни все, что она дает, и отвоевывать то, что она пытается скрыть. У «них» ничего не получится!

Кто эти «они», Сергей особо не задумывался, причисляя к «ним» зловещего Азария, «черного человека», который наводил панический страх на Артура Корнилина, и прочих

подозрительных лиц. «Их» было много, и непонятно, чего «они», в конце концов, хотели. Впрочем, теперь у него есть шанс узнать это. Неужели он упустит такую возможность?

Горский более не колебался. Адрес, который вручил ему в Харькове ловкач-экстрасенс, он помнил наизусть, так что оставалось совсем немного – пойти и посмотреть, кто там проживает.

Он ожидал обнаружить нечто вроде тайного оккультного общества или какого-нибудь мрачного ордена, одержимого идеей «власти над миром». Значит, и здание они должны занимать соответствующее.

Но... Сергей шагал по фешенебельной улице маленького городка мимо офисов, деловых контор, банков и магазинов. Ветер разогнал тучи, и в просвет показалось не по-зимнему яркое солнце. Навстречу шли улыбающиеся девушки с букетиками сиреневых цветов в руках. И опасения Горского таяли быстрее, чем остатки рыхлого снега в закоулках и подворотнях.

Он не поверил глазам, когда увидел номер нужного ему дома. Здание совершенно не походило на то, которое он рисовал в своем воображении. «Гнездо черных магов» выглядело как пятиэтажный дом, в котором размещалось несколько фирм. Во всяком случае, наружные вывески говорили именно об этом: пара адвокатских контор, агентство по недвижимости, телефонная компания и строительная фирма.

Сергей огляделся по сторонам, как будто рядом мог оказаться другой дом с таким же номером. Ничего подобного. Он пожал плечами и вошел в прохладный вестибюль. Под высоким потолком жужжал вентилятор, что казалось несколько не к месту в это время года. Множество закрытых дверей тянулось по бокам коридора. Ему нужна была комната, квартира или офис – точно он не знал – под номером 51.

Горский привык, что на первом этаже цифры на дверях должны начинаться с единицы, на втором с двойки и так далее. Но в этом здании творилось нечто невообразимое. Он потерял счет времени, блуждая по запутанным полутемным коридорам. Как назло, сотрудники расположенных здесь компаний словно вымерли. Ему с трудом удалось отловить одного высокого худого господина, чтобы спросить, где же находится 51-я комната.

– На третьем этаже, в левом коридоре, – торопливо и недовольно ответил тот, стараясь быстрее отделаться от «непонятливого месье».

После длительного блуждания по коридору третьего этажа Горский, подавляя вспышку бешенства и проклиная все на свете, оказался наконец перед дверью с заветным номером 51. От злости он почти забыл, зачем пришел сюда. В коридоре пахло лаком и деревом. Сергей прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука.

Что ж, он у цели! Пора посмотреть, кто скрывается за дверью! Горский вздохнул и, готовый к самому страшному, ре-

шитительно повернул ручку...

Большой светлый кабинет менеджера строительной компании, как гласила табличка на двери, полностью соответствовал своему назначению. Хорошая офисная мебель, пара компьютеров, мягкие диваны вдоль стены, вазоны из керамики с пышными растениями... За столом корпел над бумагами сублильный молодой человек с пышной шевелюрой и самоуверенным лицом. Дорогой костюм неважно сидел на нем. Хозяин кабинета едва поднял глаза на вошедшего.

– Я занят, – коротко бросил он, продолжая разглядывать бумаги.

Горский почувствовал себя неловко. Что он мог сказать этому господину? Однако не стоять же и молчать? Так он ничего не узнает.

– Мне дал ваш адрес месье Ерофеев... – Сергей запнулся, представляя себе, каким он выглядит идиотом.

Менеджер оторвался от бумаг. В его взгляде промелькнул интерес, впрочем, совершенно другого рода, нежели думал Горский.

– Что, простите?... Какой Еро-ф-фе-ев? – Француз еле выговорил русскую фамилию.

Его глаза разгорались по мере того, как он смотрел на незваного посетителя.

Горский решил, что менеджер наконец осознал, кто перед ним, и сейчас начнется долгожданное прояснение ситуации. Так оно и произошло...

– Кто вы такой?! – взревел молодой господин, привставая из-за стола. – Как вы посмели сюда явиться?!

Его глаза едва не вылезали из орбит, подбородок дергался.

Сергей только раскрыл рот, чтобы еще раз объяснить, в чем дело, как француз закричал:

– Не хотите ли вы сообщить мне, что передумали? Не затем ли вы и пришли сюда? Наглый, гнусный лжец!

У Сергея появилось чувство, что его не за того принимают.

– Моя фамилия Горский, – сказал он.

Но это подействовало на хозяина кабинета как красная тряпка на быка. Он ринулся из-за стола с такой прытью, что едва не перевернул кресло, которое он пару минут назад занимал с таким достоинством.

– Ах ты, негодяй! Ты еще смеешь напоминать мне, как тебя зовут?! – взвизгнул тщедушный месье, подскакивая к Горскому и хватая его за грудки. – Я тебя... я тебя...

Он задышался от злости и брызгал слюной.

Сергея начинала раздражать нелепая сцена. Он никак не мог взять в толк, что происходит.

– Секундочку, месье, – с холодной вежливостью произнес он, беря в железный захват руки молодого человека и отрывая их от своего пиджака. – Успокойтесь, прошу вас, а то никакого разговора у нас с вами не получится.

Менеджер строительной компании судорожно дергался, безуспешно пытаясь освободиться, и бешено вращал глаза.

ми.

– Ты пришел разговаривать, мерзавец? Урод! Ублюдок! – Он чуть не плакал от бессилия и боли, потому что Горский чуть сильнее сжал его запястья.

У хозяина кабинета обнаружились признаки острого психического расстройства. Бывает. Бизнес – сложная штука, не каждому по плечу. Но чтобы вот так, ни с того ни с сего бросаться на людей – это уж слишком!

– Вам нужен психиатр и смиренная рубашка, месье...

В ответ хозяин кабинета извернулся и попытался укунить Горского за руку.

– Да ты, братец, и вправду не в себе! – возмутился тот. – Не желаешь ли освежиться?

Он схватил со стола стеклянный графин с водой и вылил на пышную прическу менеджера. Пока француз отфыркивался и отряхивался, Сергей пытался понять, что происходит. Глядя на буйного молодого человека, думать о «тайном оккультном обществе» или «ордене избранных», тем более о «всемогущих черных магах» было не только неразумно, но и смешно.

– Я все равно н-не отдам тебе ее, – вздрагивая и смаргивая с ресниц капли воды, упрямо твердил менеджер. – В-все равно не отдам. Так и знай! Тебе н-не на что надеяться! Со-вершено н-не на что! – От волнения он слегка заикался. – Убирайся! Ты меня не з-запугаешь!

– В чем дело, черт возьми? Почему я должен выслуши-

вать твой бред? Чего ты мне не отдашь? Разве я у тебя что-то просил? Сядь! – Горский сгреб хозяина кабинета в охапку и бросил на мягкий диван, опускаясь рядом. – Говори толком! Я вхожу, ты на меня бросаешься, как сумасшедший, орешь чего-то. Да я тебя первый раз в жизни вижу! И ты меня, надеюсь, тоже. Не стучи ты зубами, не трону... На кой ты мне нужен? Если бы не адрес...

Он плюнул с досады. Ему очень захотелось курить, впервые после смерти Алены.

Француз злобно сверкал глазами, порываясь встать.

– Сиди! – прикрикнул на него Горский. – А то получишь.

– Ты же ее бросил! – выдохнул хозяин кабинета, откидываясь на спинку дивана. Он смирился со своей участью, и в его голосе появились нотки покорности.

– Кого?

– Лили...

– Лили?! – Сергей едва не вскочил с дивана, порядком напугав молодого человека. – Господи помилуй! При чем тут Лили?

– Как? Разве ты не из-за нее пришел?

– Из-за нее? С чего ты взял?

– Я видел тебя на фотографии, – устало вымолвил менеджер. – Вместе с Лили. Вы стояли на палубе прогулочного катера обнявшись. Я узнал вдали очертания Марселя.

Горский вспомнил, что однажды они с Лили ездили на пару дней в Марсель, провели там выходные. Ели устрицы в

ресторане на Ла-Канбьер, а потом наняли прогулочный катер. Как давно это было!

– Так ты...

– Я Франсуа, жених Лили. Она обещала, что выйдет за меня замуж. Ведь ты ее бросил. Ты негодяй! Чему я очень рад! Я люблю Лили... с детства. А она не хотела и глядеть на меня. – Он тяжело вздохнул и провел рукой по лбу. – Эта строительная фирма принадлежит моему отцу. Мы прилично обеспечены, и Лили будет хорошо со мной. Тебе она не нужна.

Он смотрел на Горского глазами побитой собаки.

– Послушай. – Тот не знал что и думать. – У меня с Лили давно все кончено...

– Так ты пришел не за тем, чтобы отнять ее у меня?

В голосе Франсуа прозвучала надежда. Увидев на фотографии Горского, он понял, что этому красивому мужчине, который обнимает на палубе катера счастливую, улыбающуюся Лили, он не соперник. Куда ему? Такой самец уведет из-под носа любую женщину, не то что Лили, которая влюбляется как кошка...

Франсуа знал историю о неудавшейся свадьбе девушки и был на седьмом небе, когда Горский уехал в свою Россию. И вот... Кто бы мог подумать?! Он вернулся, набрался наглости прийти прямо в кабинет Франсуа, чтобы... Чтобы что? Следовало не кидаться на него с кулаками, а выяснить, чего хочет этот плейбой с похотливыми глазами и железными

бицепсами.

Франсуа потер запястья, которые все еще болели, и промямлил:

– Ты ведь пришел не затем, чтобы заявить свои права на Лили? Мы уже договорились, что поженимся. Она обещала...

– Прекрати скулить, – оборвал его гость. – Ты мужик или нет? Не нужна мне твоя Лили! Понял? Уймись!

Горский напряженно размышлял о чем-то, и до Франсуа начало доходить, что Лили, скорее всего, действительно его не интересуется. Может, он хочет заключить контракт с фирмой на строительство магазина? Дела у него идут в гору, капитал растет...

– Тогда... зачем вы пришли? – робко спросил хозяин кабинета. Он присмирел, стал вежливым, всю его воинственность как ветром сдуло.

Горский никак не мог понять, каким образом он оказался в кабинете Франсуа. Все выглядело очень глупо. Нужно придумать какое-то объяснение, что-то сказать. А что? Ничего соответствующего случаю в голову не приходило. Пауза затягивалась...

– Так в чем дело? – осмелел Франсуа. – Чем могу быть полезен?

– Я... Вам что-нибудь говорит имя Азарий Ерофеев?

– Абсолютно ничего... – растерянно моргал француз. – Кто это? Судя по всему, он ваш соотечественник, вы и долж-

ны знать... Почему вы пришли сюда?

– Он дал мне этот адрес: улицу, дом и даже номер комнаты – 51.

– Все правильно, – подтвердил Франсуа. – Но я не знаю такого человека. Может быть, это один из клиентов нашей фирмы? Мы предоставляем услуги иностранцам, и русским в том числе. Здесь их не так уж мало. А зачем он вас послал ко мне?

– Я бы и сам хотел узнать...

Не мог же он в самом деле заявить Франсуа, что ожидал найти в его кабинете сборище «черных магов» или, на худой конец, магистра какого-нибудь мистического ордена.

– Ладно, пока, – вздохнул Горский и направился к двери. – Привет Лили!

– Подождите, – пискнул менеджер, вскакивая с дивана. – А как же... В чем же все-таки дело?

Сергей, не оборачиваясь, махнул рукой и вышел в коридор. Дорогу назад он нашел гораздо быстрее. На первом этаже все так же монотонно жужжал вентилятор...

Город встретил его сумерками и запахом талого снега. Из окна ресторана раздавалась негромкая музыка.

Сергей глубоко вдохнул сырой воздух и зажмурился. Он ничего не понимал! Адрес Ерофеева оказался насмешкой, дурацкой, нелепой шуткой...

Он шел по улице словно во сне, безуспешно пытаясь проснуться. Сколько времени он пробыл в кабинете у Фран-

суа? Ему показалось, не более часа. А уже наступил вечер, горят фонари... Но этого не может быть!..

– Стоп, – пробормотал он. – Вдруг я адрес перепутал? Помрачение рассудка...

Сколько он уже в Париже, и никому нет до него никакого дела. Никого он не интересуется. «Адрес Ерофеева – ловушка!» – мысленно повторил Горский и рассмеялся.

– Боже, у нас у всех развилась мания преследования! Это же просто смешно! Франсуа – «великий магистр ордена молчания»!

От смеха у него потекли по лицу слезы. Он просто сгибался от хохота, пугая редких прохожих, которые спешили по домам. Каким бы идиотом он выглядел, возмись объяснять Франсуа, что не спал ночь перед посещением его фирмы... что едва не молился, прощаясь с жизнью, с Лидой...

Горский вспомнил «инструкции по безопасности», которые терпеливо втолковывал ему Сиур перед отъездом, и оглянувшись, не идет ли кто за ним. Пустынная улица, освещенная старинными фонарями, вызвала у него новый приступ смеха... до судорог и колик в животе. Он корчился от хохота, когда перед ним остановилось такси.

– Вам плохо, меесь? – спросил водитель, опустив боковое стекло. – Садитесь, я отвезу вас. Вам куда?

Горскому на ум пришли слова Сиура о том, что «ни в коем случае нельзя садиться в первую подъехавшую машину». И его снова прорвало. Задыхаясь от хохота, он плюхнулся

на заднее сиденье. С мягким стуком захлопнулась дверца, и Сергея охватило приятное тепло салона.

– Мне в Париж...

– Назовите адрес, месье, – обернулся водитель, приветливо улыбаясь.

Автомобиль мчался по залитой призрачным светом трассе, поднимая фонтаны брызг. Горский вытянул ноги в сырых ботинках, только теперь ощущая, как он вымок и продрог. Проклятие! Что все это значит?..

Он расплатился с таксистом у своего дома и взбежал по лестнице. В квартире сразу поставил воду на кофе и отправился в душ. Горячая вода медленно изгоняла из тела озноб.

Эту ночь он будет спать спокойно, а завтра отправится в городок, где жила Нина Корнилина, поговорит с Жаннет, посмотрит на все своими глазами, подумает... Хватит быть идиотом! Бояться собственной тени, когда над ним просто смеются!

Уже проваливаясь в сон, он вспомнил, что в том же самом городке, кажется, проживала со своим странным мужем Мари. Мари... которая продала ему флорентийский медальон, а потом исчезла...

Глава 6

Лесной дом стоял засыпанный снегом. Лида проснулась и сразу бросилась к окну, – где-то среди сугробов жалобно мяукал котенок. Как он попал сюда?

Лида осторожно, стараясь не разбудить Элину, выскользнула из комнаты, спустилась по деревянной лестнице вниз, сунула босые ноги в валенки и вышла на порог. Ее охватила морозная тишина с запахом дыма. Баба Надя вставала ни свет ни заря, топила печку, ставила тесто на пирожки и оладьи.

Лида оглядывалась, стараясь определить, откуда раздается кошачье мяуканье. Почему это ее раздражает? Котенок не нашелся, и девушка вернулась в дом...

Все еще спали. Дед Илья кричал на печи: их в доме было две – одна на кухне, другая в большой горнице. Баба Надя гремела чугунами. Иван отправился в село – топить дом, приглядывать за скотиной. Кто-то же должен кур и кроликов кормить. Баба Надя все причитала, что он не справится, да бегала раз от разу на свое хозяйство. А как настоящий снег выпал, без лыж из лесного дома до села нипочем не добратся стало – делать нечего, пришлось полностью на Ивана положиться.

В погребе у бабы Нади стояла бутылка сахарной самогонки, чистой, как слеза, – но об этом она не переживала. Иван

– мужик непьющий, дурной только. Фантазер! Помешался совсем на кладах, людям и себе голову морочит! Кабы худа не приключилось...

Ночью бабе Наде приснился страшный сон, будто пришла к ней ее мать, красавица-колдунья Марфа, грустная, просто-волосая, в вышитой красными розами сорочке.

«Вставай, – говорит, – Надька, довольно спать! Твой сын в озере утонул. Настало время слез... Сначала Аленка, теперь Ваня... Просыпайся, дочка, беда в дом идет...»

Надька проснулась, села среди пуховых подушек, долго крестилась и молитву читала дрожащим шепотом. Она знала, что мертвые снятся к перемене погоды, и особо не испугалась. Но уж больно нехорошие слова Марфа сказала, легли они на сердце тяжелым камнем.

Баба Надя больше спать не ложилась, решила работой себя занять. Натаскала воды из колодца, печь растопила, тесто развела. На блюде росла горка румяных оладий, рядом самовар кипел. А на душе у Надьки было сумрачно и беспокойно...

– Вы об Иване думаете, баба Надя? – спросила ее Элина за завтраком.

– Об нем, бестолковом, – кивнула хозяйка. – Душа болит чего-то, ноет, как старая кость на погоду.

Лида молча пила чай, думала о своем. Ее замучили коты. То придет к дому приبلуда какая-нибудь тощая, мяукает истошно под дверями, скребется, то котята мерещатся... Во-

обще-то Лида кошек любила, в детстве охотно играла с ними. Почему же сейчас они действуют на нервы? Под утро ей даже показалось, что огромный черный кот разлегся у нее на груди, придавил так, что стало нечем дышать. Никакого кота в комнате, конечно, не оказалось...

– Ешь, Лидка, потом думать будешь, – недовольно ворчала баба Надя. Удрученный вид внучки портил ей и без того скверное настроение. – Оладьи стынут!

Она все думала об Иване. Он в селе, на хозяйстве, – отсюда до лесного озера летом топать да топать, а уж зимой... Нет, не попрется он по снегу на озеро! С какой стати? Рыбу ловить он без деда Ильи не любит, позвал бы старика с собой. А клад искать подо льдом тоже несподручно...

Баба Надя и так и эдак уговаривала себя, но тщетно.

– Пойду полежу чуток, – сказала она и отправилась в горницу, на сундук, где любила днем отдыхать.

Лида с Элиной молча переглянулись. Чтобы баба Надя после завтрака лежать захотела – дело небывалое.

– Она об Иване думает, терзается, – прошептала Элина. – Ей, наверное, плохой сон приснился.

– Мне тоже, – ответила Лида. – Знаешь, к чему коты снятся?

– Коты? Какими ты их видишь?

Лида пожала плечами:

– Ну... то на грудь мне улягутся, то пищат, мяукают и скребутся. Как будто совсем рядом, под окном или под две-

рю... А на самом деле нет никого.

На улице разыгралась метель. Сильные порывы ветра раскачивали вековые ели. В доме стало темно, как в сумерки. Девушки зажгли керосиновую лампу.

– Ты вспомни, не причиняла ли вреда какому животному? – сказала вдруг Элина.

– Нет... я люблю животных. Даже рыбу чистить не могу, пока она еще шевелится...

– Подумай все-таки.

Дед Илья свернул себе самокрутку из бумаги, вышел на порог покурить, но тут же вернулся обратно, весь засыпанный снегом.

– Ну и лютует! – произнес он удивленно. – Давно такой зимы не помню. То вода стоит по колено, то выюга, как на Северном полюсе. Чудно это!

– Я вспомнила! – воскликнула Лида. – Вспомнила! Я же убила козу! Но... я не могла поступить иначе, я должна была... Она осталась в пещере, завернутая в одеяло...

Лида ощутила на губах вкус крови, которую пила, надрезав жилу на шее козы, и ей стало не по себе.

– Я ее похоронила. Ты думаешь, она все еще обижается на меня?

– Может быть... Дух животного надо успокоить.

– Как это сделать?

Элина села на лавке, скрестив ноги, закрыла глаза. Она тоже не знала.

– Сейчас что-нибудь придумаем! Садись рядом...

Они сидели на лавке, как два китайских болванчика. Лида не выдержала и прыснула со смеху.

– Представь себе образ козы, – нараспев произнесла Элина. – И поблагодари ее за то, что она отдала тебе свою кровь...

Лида послушно все выполнила. Ей показалось, что у нее получается.

– Ну что, она довольна? – спросила Элина.

– Кто?

– Коза.

– А... да. Кажется, довольна! Подожди-ка...

– Что?

– Коза не одна. С ней маленький козленочек. Веселенький такой! Беленький, с золотыми рожками. И прыгает. Он хочет, чтобы я пошла за ним. Идти?

Элина приоткрыла глаза и кивнула.

– Ой... – Лида беспокойно заерзала. – Он провалился...

– Куда?

– Сквозь землю...

* * *

Горский любовался древним собором из камня. По жестяным желобам стекала вода, с каменных фигур у входа капало. Франция – родина готики, и почти в каждом маленьком

городке есть старинная церковь или монастырь, а то и остатки замка знатного дворянина, бывшего владельца здешних земель. Сергей любил эти маленькие селения, расходящиеся в разные стороны от соборной площади улочки с остатками крепостной кладки. Он сам некоторое время жил в таком городке, снимая квартиру с окнами, выходящими на рынок и мэрию. Когда стали позволять средства, он перебрался в Латинский квартал Парижа.

Сегодня высокое и стройное, летящее ввысь здание собора неожиданно напомнило Горскому замок Камелот, в котором собирались рыцари короля Артура.

«Кстати, в этом же городке жила Нина, – снова подумал он. – Надо непременно зайти, поговорить с хозяйкой дома, может, та вспомнит что-нибудь необычное... Но это потом. Сначала – Мари, ее таинственное жилище...»

Сергей вспомнил лицо Лили с округлившимися глазами, когда она рассказывала про «замок», в котором поселилась подруга после замужества, и усмехнулся. Сиур тоже пугал его «ловушками» и «капканами» – а что вышло? Попал в офис Франсуа, тот оказался женихом Лили, приревновал, подрались...

Не стоит преувеличивать опасности и злонамеренные козни неизвестных противников. Осторожность хороша, когда она в меру.

Улыбаясь своим мыслям, Горский шагал по улице, застроенной домиками, которые выглядывали из-за каменных за-

боров. Над черепичными крышами качались голые буковые деревья, по заборам вился дикий виноград... Эта мирная картина не менялась столетиями. Так же поднимались вверх дымы из труб, так же пастухи гоняли коз искать остатки зеленой травы на склонах...

Узкая улочка оборвалась внезапно, открыв взору зеленовато-бурые холмы, над которыми сияло солнце. Далеко в золотистом тумане текла река. Впереди мрачной громадой возвышался старинный рыцарский замок, вернее, его часть, отстроенная новым хозяином. Остальное лежало в руинах, темных от лишайника и сырости.

Горский подошел поближе. Замок стоял на холме. С обратной стороны был крутой обрыв, а спереди неглубокий ров, некогда заполненный водой. Деревянные сваи моста еще кое-где виднелись среди молодой дубовой поросли и кустарника, сам ров почти сровнялся с землей. Никакой ограды не было – прямо к массивным, окованным железом дверям вела усыпанная красным гравием дорога, напоминающая подъезд для карет и экипажей. Во всяком случае, гораздо легче было представить скачущего по ней всадника, чем современный автомобиль. Вокруг не было ни души... только неподалеку, позванивая колокольчиками, паслись козы...

Узкие окна замка утопали в толстых стенах. Сергей задрал голову – крыша заканчивалась по углам башенками. Из каминных труб не вился дымок... Видимо, обитатели покинули свое жилище, напоминающее скорее мрачную темницу,

полную призраков прошлого, нежели жилой дом.

«Н-да... в таких стенах проживешь пару недель, не то что нервы расстроятся – крыша съедет! – подумал Горский. – Неудивительно, что Мари отсюда уехала. Однако как же мне попасть внутрь? Может, все-таки в доме кто-то есть?»

Ему показалось, что в одном из окон мелькнула фигура в светлой одежде. Кто-то все же есть! Не могли хозяева оставить дом без присмотра...

Он долго стучал по прибитой к двери медной пластинке толстой скобой в виде двух львиных лап. Никакого ответа. Неужели он зря сюда приехал? Другого способа проникнуть в дом, кроме как через дверь, Сергей не видел. Окна высоко, к тому же на них, кажется, решетки. Черт! Что же делать?

Горский был на редкость упрям и не привык отступать, поэтому, вместо того чтобы повернуться и уйти, он начал что было сил дергать за ручку из потемневшего металла. В какой-то момент ему показалось, что дверь поддалась, и он удвоил усилия. Разозлившись, он дергал и вертел ручку, так, что если бы она не была достаточно прочной, то давно отвалилась бы. Вдруг раздался громкий щелчок, и... дверь с легким шорохом отворилась...

Настойчивый визитер опешил: оказывается, ему нужно было только повернуть ручку. Выходит, дом не заперт? В таком случае в нем точно кто-то есть – сама хозяйка либо прислуга. Сергей оглянулся – за его спиной зеленели холмы с белыми вкраплениями снега. Перед ним зиял дверной проем,

словно вход в иной мир, внутри которого затаилась угроза...

– У меня нервы разыгрались, как у чувствительной бабышны, – недовольно буркнул Горский.

Он не ожидал от себя подобного малодушия. Когда дверь не поддавалась, он ломился в нее, а стоило ей открыться, как он топчется в нерешительности.

Сергей все-таки заставил себя шагнуть вперед, внутрь чужого жилища...

За дверью оказался длинный сумрачный коридор. Пахло старым камнем, деревом и пылью. Гость услышал слабый стук – закрылась входная дверь! Его обступила полная темнота... Он вернулся назад и попытался выйти. Черта с два. Изнутри дверь была совершенно гладкой и скользкой, без ручки и каких-либо выступов. Горскому ничего больше не оставалось, как идти вперед. Должен же кто-то находиться в доме, раз дверь не заперта...

Он шел наугад по коридору и на ходу придумывал причину, по которой позволил себе вломиться в чужое жилище без приглашения. С прислугой беседовать будет нетрудно, а вот с хозяевами... Не хватало только, чтобы и тут разыгрался скандал, как в офисе Франсуа!

– Эй! – громко произнес Сергей. – Здесь есть кто-нибудь?

Его слова растаяли без следа в темных недрах дома. И снова наступила тишина. Один коридор сменялся другим, и все они поворачивали налево, против часовой стрелки. Горского затошнило, как на корабле в сильную качку. Наконец очеред-

ной коридор уперся в две лестницы – одна из них вела вверх, другая вниз. Гость решил подняться выше: именно там он видел фигуру в окне. Ориентироваться в бывшем замке было трудно, почти невозможно. Окна, очевидно, были только в комнатах, а как туда попасть, Сергей не знал. Двери, выходящие в коридор, все оказались заперты.

Горский толкал их одну за другой, и какая-то поддалась. Через зарешеченное окно едва проникал внутрь солнечный свет... Никакой мебели не было, кроме круглого мраморного столика, на котором стояла большая черная свеча. Она горела тусклым пламенем.

– Значит, я был прав и в доме кто-то есть! – обрадовался Сергей.

Со свечой передвигаться по бесчисленным коридорам и лестницам было намного легче.

– Эй! – снова крикнул он. – Отзовитесь! Кто тут живой?

Слабое эхо ответило ему, и воцарилась прежняя тишина. Неожиданно Горский попал в просторный пыльный зал, полный пустых плетеных коробов и ящиков. На полу валялись осколки фарфора и стекла, глиняные черепки, трещавшие под ногами. Три окошка, больше похожие на бойницы, были так узки, что не пролезть. Сергей выглянул в одно из них и понял, что каким-то образом забрел на самый верх. Странно... Неужели никто не слышал, как он ходит по дому? Лучше спуститься обратно и попробовать открыть дверь. Похоже, дом не жилой. Мебели нет, электричество отключено...

Он долго кружил, пока добрался до входной двери. Увы! Все попытки открыть ее оказались тщетны. Горский устал и присел на пол отдохнуть. Показалось, что он бродит по замку несколько дней, хотя прошло всего пару часов. Как его угораздило позволить двери захлопнуться? Это все беспечность! Сиур и Влад его предупреждали...

– О чем они меня предупреждали? – разозлился на себя Горский. – Об опасности! Что за мной будут охотиться. А не о том, что я заблужусь в пустом доме... Черт! Этого только не хватало.

Незаметно он провалился в сон, который длился около получаса. Ему ничего не снилось, а пробуждение не принесло радости. Горский зевнул, поднялся, отряхнул пыль и паутину и вновь отправился на поиски другого выхода. Теперь он был гораздо внимательнее и обнаружил необычное устройство внутренних помещений – все лестницы и коридоры были тесные, закрученные против часовой стрелки, что вызывало головокружение и дрожь в теле. Некоторые коридоры заканчивались тупиками, арочные своды напоминали монастырские темницы. И повсюду – паутина, гулкая пустота и сквозняки...

Горский никак не мог смириться с мыслью, что в доме никого нет. Кто же в таком случае зажег черную свечу? Что за фигура мелькала в окне? Если второе могло ему привидеться, то свечу он держал в руке, и та была вполне твердой и реальной. Кроме того, он понял, что ошибся насчет комнат,

думая, что они заперты. Многие оказались открыты и пусты, на каменных стенах висели рамы от картин, темные драпировки...

«Бедняжке Мари жилось тут не сладко, – подумал Горский. – В этаких хоромах кто угодно впадет в черную меланхолию!»

Сам он страха не испытывал – только досаду на то, что глупо влип. Теперь придется бродить по всему зданию из конца в конец в поисках выхода. Впрочем, он не сомневался, что выход есть и он его непременно найдет.

В замке обязательно должен быть большой подвал. Может, удастся вылезти наружу через подвальное окошко, если оно без решетки? Горский решил спускаться по лестницам вниз, в подвал...

Это заняло не так уж много времени. Очутившись в подвале, среди пустых винных бочек и старого хлама, Сергей задумался. Ни окон, ни дверей здесь не оказалось – только люк в самом углу усыпанного стружками пола. Видимо, в подвале держали доски или что-то мастерили. Куда может вести этот люк? Под такими постройками часто сооружали подземные выходы наружу на случай нападения. А вдруг именно таким способом удастся выбраться из проклятого дома?..

Горский открыл тяжелый люк и увидел крутую винтовую лестницу. Показалось, что из глубины раздается слабый, еле слышный шум воды. Сергей осторожно преодолел несколько ступенек вниз, держась руками за края люка. Свеча все еще

горела, и ее могло хватить надолго. Черный воск плавился очень медленно, и скупой огонек был как раз то, что надо.

Незадачливый визитер сделал еще пару шагов, ступенька под его ногой треснула, он потерял равновесие и покатился по лестнице. Кажется, он потерял сознание, а когда пришел в себя, его окружала непроницаемая тьма, полная сырости и звуков падающих капель... Свеча при падении погасла. Горский приподнялся, пытаясь рассмотреть люк вверх, но ничего не увидел. Мелькнула мысль, что люк, так же как и входная дверь, сам по себе захлопнулся. На Горского нашло странное и тревожное забытие...

Время от времени его сознание прояснялось, и он понимал, что попал в ужасное положение. Почему он никому не сказал, куда направляется? Почему не предупредил родителей или хотя бы Лили? Ему хотелось сохранить все в тайне, и теперь ни одна живая душа не знает, где он находится. Ему неоткуда ждать помощи. Никто не придет сюда искать его. Никто не знает, что он здесь. Никто...

Он ощупал карманы в поисках сотового. Вдруг произойдет чудо и он сможет из этого подземелья дозвониться хоть кому-нибудь? К несчастью, телефон разбился...

Горский застонал, то ли от досады на самого себя, то ли от боли в затылке. Как получилось, что он оказался совершенно один в чужом доме? Глупо! Любитель острых ощущений имеет все шансы испытать желаемое в полной мере... и даже сверх того. Bravo! Никто не покушался на его жизнь, не пы-

тался ограбить... Он сам залез в брошенный хозяевами дом, захлопнул дверь, провалился в подzemелье. Сам! Обошелся без помощников. Отлично, ничего не скажешь...

Глава 7

Баба Надя отправилась в сарай за дровами. За ночь на-мело столько снега, что ей пришлось откапывать дверь. Холодный рассвет посеребрил крышу дома и заснеженные ели, между которыми мелькала чья-то фигурка...

Баба Надя поправила платок, прищурилась, пытаясь рассмотреть, кто же это к ним в лесной дом пожаловал.

– Петька, ты, что ли? – крикнула она, когда маленький лыжник вынырнул из леса, направляясь во двор. – Стряслось что?

Мальчик раскраснелся от быстрого бега. Его брови и торчащие из-под шапки волосы покрылись инеем. Это в самом деле оказался Петька, тринадцатилетний соседский сын, который нередко лазал к бабе Наде в сад воровать груши и яблоки.

Та с тревогой уставилась на подростка, который с пыхтением отстегивал крепления лыж.

– Да говори же, окаянный! – не выдержала она. – А то зараз поленом приласкаю, будешь знать!

– Не кричите, баба Надя, – степенно ответил лыжник. – Отдышаться дайте! Не видите, человек дух перевести не может?

– Человек! – возмущенно завопила баба Надя. – Тебе еще до человека шагать да шагать! Сопли подотри сначала! Бери

вот!

Она вручила Петьке охапку дров и заторопилась в дом. Там уже вовсю пахло сдобой.

– Садись, нехристь, – беззлобно сказала хозяйка. – Чаю горячего налью, а то вон посинел весь. Ну, рассказывай, что случилось?

– А где дядька Иван? Куды он подевался? Вот вы на меня кричите, а дядька Иван как пошел в лес, так и загулял. Вы ему скажите!

– Молод ты еще меня да Ивана учить, – ворчала баба Надя, выкладывая на блюдо пирожки. – Раз пошел, значит, надо ему. Может, хвороста набрать на растопку...

Петька заговорил с набитым ртом, уминая пирожок с повидлом:

– Ничего себе... хвороста набрать! Куры ваши кудахчут, не кормленные... Коза блеет... Батяня мой не выдержал, ходил давать им еды.

Баба Надя так и села на лавку, потому что ноги у нее подкосились. Чуюло ее сердце недоброе, а она гнала от себя страшные мысли...

– Как это? Неужто Вани так долго нету? Куда ж он подевался?

– Вот и я говорю, куды? Затем и пришел. Думаете, мне делать нечего, кроме как без толку по лесам бегать? Хорошо, что у меня лыжи новые. Батяня их смазал как следует...

Петька отвел глаза и принялся рассматривать носки сво-

их валенок. Тесто, которое баба Надя поставила на вторую порцию пирожков, приподняло крышку и медленно начало выползать наружу. Но хозяйке было не до теста. Вспомнилось предупреждение Марфы во сне... Сердце бабы Нади учащенно забилося, руки задрожали...

Ах беда! Беда! Дурак, он и есть дурак! Мог Иван с дури-то пойти на озеро – на рыбалку или за кладом своим проклятым... В пустую голову глупые мысли сами лезут, как грибы после дождя. Стоило дурака без присмотра оставить, как на тебе... Хлебай лихо полными ложками! Надо идти на озеро, искать Ивана...

– Лидка! Илья! Вставайте! – заголосила баба Надя на весь дом, забыв про Петьку. – Иван пропал!

Элина уже не спала и сразу начала натягивать полушубок. На улице было студено, дул ветер, кидал в лицо колкий снежок. Илья с Лидой вышли попозже, догнали бабу Надю с Элиной уже у самого леса.

– Я дядю Ваню дня три назад видела, – рассказывала Элина. – Воду из колодца брала, гляжу – он идет вдалеке, за елками, и вроде бы как сам с собой разговаривает...

– И откуда ты все знаешь? – недовольно ворчала баба Надя. – Кто что думает? Кто что сказать собирается?

Элина смутилась и пожала плечами.

– Почему ты его не окликнула? – спросила Лида. – В дом не позвала?

– Так он не пошел бы... Он на озеро направился.

– Дурак помешался совсем с кладом этим на озере! – взорвалась баба Надя. – Выдумал, бузотер бестолковый, зимой по льду бродить... Чудо царьградское!

– Не бойсь, – успокаивал ее Илья. – Лед на озере нынче крепкий. Гляди, какой мороз! Никуда Ванька не денется. Может, он вовсе и не клад ищет, а рыбу ловит.

Озеро открылось, как всегда, неожиданно – белое, будто плоская чаша. Ледяная поверхность сверкала снегом. Здесь даже ветер утих. Нигде не было видно ни души.

– Ну, где этот ирод? Где это горе ходячее? – запричитала баба Надя, вне себя от страха. – Никаких следов нету!

– Откуда следы? Метель всю ночь бушевала. – Илья приложил руку ко лбу козырьком, разглядывая сугробы на берегу. – Ванька-а-а! Ванька-а-а! – громко позвал он, но никто не откликнулся.

Зато неизвестно откуда налетели вороны, расселись по веткам, роняя снег, раскаркались.

– Фу-ты, аспиды! – замахнулся на них Илья. – Брысь!

– Нехорошо это, – сказала Элина. – К покойнику.

– Да ты чего говоришь-то? Чего мелешь своим поганым языком? – набросилась на нее баба Надя, красная от быстрой ходьбы и злости. – Сама как ворона стала, каркаешь и каркаешь! Лучше бы ты немой осталась!

– Я немой не была... Я просто не хотела разговаривать...

– И правильно! От твоих речей, голуба, волосы дыбом встают!

– Ива-а-ан! Ива-а-а-н! – продолжали звать Илья и Лида.
В ответ им только каркали вороны.

– Ладно, хватит орать. – Баба Надя потуже завязала платок и огляделась. – Пошли по берегу! Искать надо...

Вокруг простирались снега и лес. Дед Илья с бабой Надей обошли озеро – никаких следов Ивана. Решили посмотреть на льду, – может, лунка старая найдется или припорошенная прорубь. Уходить вот так, ничего не выяснив, было невмоготу.

Илья поковырял палкой снег, добравшись до толщи льда.

– Как чугун! – вздохнул старик. – Такой не провалится... Видать, Ванька в лес подался.

– Чего ему в лесу делать? – взвилась баба Надя. – К озеру он прикипел, из-за клада своего проклятого! Разум совсем потерял! Ох, неладное мое сердце чует...

– Гляди-ка, что там?

Дед Илья – откуда только прыть взялась – подскочил к едва заметному бугорку на снежной глади, наклонился – рукавица Ванькина...

Баба Надя выхватила у него из рук рукавицу и заголосила:

– Утонул! Утонул мой Ванечка! На кого ж ты меня покинул... сынок дорогой...

Слезы замерзали на ее обветренном лице.

– Где утонул? Полыньи не видно... – недоумевал Илья. – Просто был он тут, рукавицу потерял. Перестань вопить, девчонок испугаешь!

Лида и Элина стояли под огромной старой елью, притоптывая от холода. Дед Илья махнул им рукой – идите, мол, сюда.

Решили искать вокруг того места, где обнаружили рукавицу... Может, еще что найдется? В нескольких шагах лежал заметенный снегом рюкзак Ивана, который принимали за сугроб. Больше ничего...

Дальнейшие поиски результата не дали. Бродили по лесу, где по колени намело снега, звали Ивана, устали, замерзли. Никто не знал, что делать. Забрали рюкзак, рукавицу и поплелись домой. Илья шагал впереди, сгорбившись, насупив брови, за ним – баба Надя, всхлипывая. Лида и Элина вздыхали и оглядывались, словно надеясь, что вот-вот из-за елей вынырнет фигурка Ивана в старом овечьем полушубке...

На пороге дома их ждал Петька, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения. Времени прошло порядочно. Пришлось несколько раз подбрасывать поленья в печку, чтобы та не потухла. Солнце садилось на кромку леса.

– Ты у нас оставайся, Петруха, – сказал дед Илья. – Завтра домой пойдешь. Нос-то у тебя отмерз совсем...

* * *

Сергей лежал на каменном полу. Рядом в темноте капала вода. Где он? Каменный мешок! Так, кажется, назывались подземелья, в которых узники исчезали навсегда?

Бредовые видения сменялись мутным беспамятством...

Вдруг откуда ни возьмись наклонилось над ним человеческое лицо.

– Да ты, никак, пьян, братец? – ухмыльнулся человек. – Нехорошо! Что ж ты хозяина не дождался?

Горский с трудом разлепил опухшие веки и увидел, что сидит за столом, который ломится от еды и выпивки. За окном медленно течет Сена, на набережной гуляют девушки в ярких пальто... Господи! Это ж надо так напиться, чтоб привиделся какой-то замок, какое-то подземелье!

– Мы давно тут пьем? – спросил он сидящего напротив господина, похожего на экстрасенса Ерофеева.

Тот закатил бесцветные глаза, подумал и кивнул:

– Давненько. Ты раньше назначенного времени явился, ну и... перебрал спиртного. Я пришел, гляжу – ты пьян в стельку.

– Извини, – промямлил Горский, чувствуя неприятную горечь во рту. – Мы знакомы?

Человек радостно засмеялся, если так можно было назвать слащавое хихиканье, при котором его тонкие губы почти не двигались.

– Ну ты даешь, братец! Видать, алкоголь на тебя сильно действует. Коли забыл, напомнить надо. Азарий меня зовут, Азарий Ерофеев. Мы с тобой в Харькове встречались, помнишь? Я тебе адресок дал. Думал, не придешь, а ты молодец... Хвалю!

Горский силился вспомнить, как он оказался в этом ресторане, но безуспешно. Ерофеева он узнал, про адрес тоже на ум пришло – он действительно собирался встретиться с кем-то, вышел из дому... а дальше ни одной мысли, хоть тресни...

«Ничего удивительного, – подумал Сергей. – Пьянка, она память напрочь отшибает! Особенно у меня. Черт! Неудобно перед человеком. Что я ему скажу? Забыл-де, зачем пришел? Фу, как глупо! Не по-деловому...»

– Силишься вспомнить, зачем пришел? – спросил экстрасенс. – Сказать?

Горский кивнул, сгорая от стыда. Он словно воды в рот набрал, так ему неловко стало перед Азарием. К тому же у него внезапно проснулся зверский аппетит. На столе стояли салаты, жареная форель, спаржа, бифштекс с картофелем, торт, фрукты, сыр и мороженое...

– Секрет ты мне собирался рассказать, – прошептал Азарий, перегнувшись через стол. – Важный секрет!

– Секрет?... – удивился Горский. – Что за чепуха?! Какой секрет? – переспросил он, жадно глядя на блюдо с форелью.

– Секрет золота, – одними губами вымолвил Ерофеев. – Раскрой тайну золота, и можешь убираться на все четыре стороны...

Горский не выдержал и громко захохотал:

– Тайну золота? Ты шутишь! Если бы я ее знал, давно бы сам пользовался.

Он накладывал себе в тарелку салат, рыбу, мясо с картофелем и уписывал за обе щеки, уже не стесняясь, под недобрым взглядом Азария.

– Проголодался? – ехидно спросил экстрасенс.

И Горский вдруг оказался под столом, лежа на спине. Вокруг полная темнота...

«Свет погас, что ли?» – подумал он, пытаясь встать. Все тело болело и ныло, как после драки.

– Азарий... Азарий, помоги...

Ему никто не ответил. Где-то капала вода. Приподнявшись, он увидел, что у его шикарного кожаного ботинка суетятся крысы. Что это? Где он?

«Боже! Я провалился в подземелье... Конечно! Сколько я тут лежу? Сутки, двое?..»

Горский вспомнил о еде и едва не потерял сознание. Он все понял! Это галлюцинации! Бред умирающего... Никакого ресторана не было. Ему привиделось! Перед смертью... Прошло уже много времени, с тех пор как он здесь... Никто его не ищет и не будет искать, потому что никто не знает, куда он отправился. Ему никто не поможет...

На него навалился темный туман, наполненный падающими каплями. Он чувствовал, как растворяется в этом тумане, освобождаясь от страданий и жалости к себе, от тоски по покидаемому им миру, от всего, что сковывало его свободу и легкость... Где-то вдалеке возникло и растаяло лицо Лиды...

Горский увидел длинный белый скелет, едва прикрытый лохмотьями, и без сожаления и горечи понял, что это *его* скелет. Его тело умерло и истлело здесь, в подzemелье... Теперь ему не надо больше ни есть, ни пить, ни дышать... Ему больше не нужна одежда, крыша над головой, не нужны деньги, бизнес и деловые связи... Ничего не нужно...

Нахлынувшая волна отчаяния откатилась, оставив его холодным и равнодушным к собственной загубленной жизни. Настроение менялось быстро, как узоры в калейдоскопе. Промелькнула мысль о Лиде. Она не поймет его – подумает, что он ловелас, завлекший ее ради забавы и затем жестоко покинувший. Так он поступил с Лили, с Аленой, а теперь и с ней...

Горскому захотелось оправдаться... Однако, увидев на кишащем крысами полу подzemелья свой скелет, он понял, насколько тщетна земная жизнь. Вряд ли Лида будет счастлива, если он явится к ней со своими объяснениями... Интересно, в каком виде ему пришлось бы предстать перед возлюбленной? Привидением? Или «голосом» из потустороннего мира?.. И то и другое одинаково отвратительно. Пожалуй, она смертельно испугается, вот и все...

В углу подzemелья возникла знакомая фигура.

– Азарий, ты, что ли? – спросил Сергей. – Ты как сюда попал? Тоже умер? Не ожидал еще раз тебя увидеть!

– Ты обещал рассказать мне кое-что, поделиться информацией...

– Так я же умер! – возразил Горский. – И потом, я не помню никаких обещаний.

– У мертвых такая же короткая память, как и у живых, – притворно вздохнул Азарий. – Ну ладно. Я не держу на тебя зла и даже готов помочь. Помолиться за упокой души, например... Бьюсь об заклад, что ты ни одной молитвы не знаешь.

– Не знаю...

Это была правда: Горский интересовался в жизни многим, но, к сожалению, не молитвами.

– Ужас! – поднял глаза к потолку экстрасенс. – Без молитвы твоя душа не найдет дорогу в Царство Усопших... Думаешь, почему ты до сих пор здесь, в этом сыром подвале, полном крыс? А?

Если бы у Горского было тело, он бы пожал плечами или развел руками в недоумении.

– Вот! – назидательно произнес Ерофеев. – Никто не сделает этого для тебя! Потому что никто не знает, где лежат твои бранные останки. Я – твоя последняя надежда...

Он наклонился над скелетом и начал бормотать слова молитвы. Молился Ерофеев по-латыни.

Сергей пытался рассмотреть, есть ли на скелете флорентийский медальон. Ведь если Азарий пожелает забрать амулет, то он ничем не сможет помешать ему! Эта мысль причинила Сергею боль...

Ерофеев обшарил скелет и поднялся, вне себя от ярости:

– Куда ты дел подвеску, а? Она тебе больше не понадобится! Покойнику украшение ни к чему!

Горский сделал привычный жест, проверяя, на месте ли медальон, но тут же понял, как глупо ведет себя. У него больше нет тела, а значит, нет и подвески. Но Азарий, кажется, тоже ничего не нашел? Так ему и надо!

– Мародер! Собирался ограбить мертвого?!

Экстрасенс понял свою оплошность, состроил умильно-сладкую мину, прикрыв страшные глаза синеватыми веками:

– Ну-ну, не обижайся. Хочешь, я помогу тебе? Я же маг! Ты не забыл, надеюсь? Я все могу! – Он гордо выпрямился, выставив грудь. – Мое настоящее имя – де Альвейр! Я Рыцарь Розы! Могу повернуть время вспять, вернуть жизнь твоему телу и выпустить тебя из этого подвала, если... ты мне кое-что расскажешь.

– Секрет золота? – догадался Горский.

Это уже не рассмешило его. Может, он и в самом деле что-то знает? Тогда почему ничего не вспоминается? Сколько он ни ломал голову – никакого результата.

Сергей собрался было объяснить это Азарию, но... осознал вдруг, что не испытывает никакого страха.

Раз он умер и на полу подземелья лежит его скелет, то ничего худшего с ним произойти не может. Подумаешь, не найдет дорогу в Царство Усопших! Как-нибудь и это уладится. Не вечно же ему сидеть здесь?

— Я уже умер, Азарий! — заявил он. — Для меня в этом мире все потеряно. Так зачем мне раскрывать тебе тайну?

С этими словами он ощутил сильный поток воздуха, который подхватил его и понес в темноту, в гулкий черный туннель...

Неприятно, когда на лицо капает вода. Горский поморщился. Неужели он все еще жив? Опять проклятая сырость, проклятый мрак... Непослушной одеревеневшей рукой Сергей ощупал свое тело. Оно пока не напоминало скелет. Ноги, руки — все на месте. Голова болит, очень хочется пить... Сколько времени он лежит здесь? Похоже, его мучения еще впереди. Смерть от голода и жажды — не самое приятное, что может случиться с человеком. Чертов Азарий! Он действительно приходил сюда или это все причуды больного ума?.. Медальон! Последнее, что Сергей успел сделать на грани забвения, — был лихорадочный поиск флорентийской подвески. Его почти бесчувственная рука сжала золотой кругляшок, поразительно теплый, гладкий, как лепесток райского цветка...

Глава 8

Баба Надя собирала Петьку в дорогу. Она решила, что вместе с ним пойдет в село и дед Илья. Если Иван до сих пор не вернулся, то кто-то же должен ухаживать за живностью, топить дом...

– Ешьте! – сердито говорила она, накладывая в тарелки горячую домашнюю колбасу, только что поджаренную. – Путь не близкий.

Петька уписывал угощение за обе щеки, Илья жевал лениво и нехотя. Ему не очень хотелось идти в такую даль на лыжах. Стар уже, кости ноют, в спину стреляет. Да что поделаешь? Хорошо, что хоть метель улеглась... Небо прояснилось, очистилось, и до обеда ничто не предвещало ненастья.

Лида и Элина пили чай с сушеным липовым цветом. Вчера они сильно промерзли, разыскивая Ивана.

– Если не будете есть, желудки слипнутся! – привычно ругалась на них баба Надя. – Доходяги какие-то, а не девки! С утра до вечера у плиты стою, кормлю их, кормлю, а толку? Кто посмотрит, скажет, что вас голодом морят. От людей стыдно, ей-богу! Вы на себя поглядите, селедки сушеные! Тьфу!

– Вы, баба Надя, на нас кричите, а сами об Иване думаете, – заявила Элина. – Бойтесь, что он уже не вернется, потому что утонул. Да?

Она подняла свои ясные глаза с длинными ресницами и мило улыбнулась, как будто сказала что-то очень приятное.

Баба Надя так и застыла с открытым ртом. Петька нехотяти засмеялся, а Илья с Лидой понимающе переглянулись.

С Элиной творилось что-то непонятное. Она, наверное, слишком долго молчала. А когда заговорила, то взяла себе за правило сообщать напрямиком все, что думает. Это шокировало окружающих. Особенно страдала баба Надя, которую Элина постоянно «выводила на чистую воду».

– Ты что себе позволяешь? – взвилась она. – Откуда ты знаешь, что я думаю? Что ты все каркаешь, как ворона? Гляди, беду накличешь, дудка!

«Дудками» она называла Лиду и Элину потому, что они обе были тоненькие, «не фигуристые», как считала баба Надя, которая в женщинах ценила дородность и статью, чтобы «во всех местах было все, что положено».

Лида была светленькая и длинноволосая, а Элина темненькая и стриженная, с черными печальными глазами, которые изредка вспыхивали мрачным огнем. «Дудки» порядком раздражали бабу Надю тем, что мало ели и много разговаривали, не слушались наставлений и вели себя вызывающе, особенно Элина, которая буквально насквозь все видела и сообщала о своих догадках всем и каждому без малейшего стеснения. Что за времена настали? Никакого уважения к старшим, никакого почтения! Одна дерзость!

Элина своим высказыванием поразила бабу Надю в самое

сердце. Та действительно всю ночь напролет думала о сыне, о его неудавшейся жизни. Видно, если сразу не заладилось, так уж и не жди счастья. Родился Иван в грозу, под дубом, потом его, уже взрослого, судьба догнала: под тем же дубом молнией поразила, разум отняла. От судьбы не уйдешь, ее не обманешь. И озеро лесное уже Ивана погубить пыталось, но тогда баба Надя и ее муж помешали свершиться злему делу, вытащили сына, отходили... Только, видно, отсрочка то была, а не спасение...

Баба Надя неприязненно покосилась на Элину. Глаза у той колючие, и вся она, как терновый куст, жесткая и в шипах. А заговорит, так хоть из дому беги – режет правду-матку, невзирая ни на возраст, ни на что! И кто ее воспитал такую? Молодежь нынешняя сплошь без царя в голове, беспардонная и непочтительная. Аленка из дому уехала... и нашла свою смерть. Городская распущенность ее погубила, мужик заграничный, Сергей! Теперь он за Лидку принялся, а она и рада! Ох-хо-хо... Что делать? Как девок обуздать? Совсем от рук отбились. И Марфы нету, не к кому за помощью бежать...

Впервые баба Надя искренне загоревала о матери. Как ни крути, а за Марфой она жила как за каменной стеной. Лучшего совета и желать нечего... А теперь ей самой решать надо – она в семье голова. И надеяться ей не на кого.

– Если Иван вернется, – наказывала она деду Илье, – отправь его сюда, в лесной дом. Пусть под моим присмотром

живет, так спокойнее будет.

Она вышла на крыльцо и долго смотрела вслед двум лыжникам, удаляющимся в сторону леса...

* * *

...Приветствую тебя, Око Великого Бога, Око Царя всех живых! Даруй нам свою силу! Наступит мгновение, и Круг жизни замкнется...

Сергей знал, что все происходит с ним не по-настоящему. И Франция, и полуразрушенный замок, и подземелье – все ему снится. Сейчас он проснется и окажется в светлой горнице, на деревянной кровати, устеленной пуховой периной и белоснежными простынями. В доме пахнет сушеной лавандой и зверобоем. На кухне баба Надя стряпает свои знаменитые пироги, в печке томится жаркое. У окна, отодвинув вышитую занавеску, стоит Лида, смотрит во двор, на заснеженный сад...

А может, он проснется в харьковской квартире, где со стены сверкает зелеными очами «Царица Змей» – картина, подаренная ему Артуром Корнилиным...

Горский попытался открыть глаза, но веки были невероятно тяжелыми... С большим трудом удалось чуть приподнять их. В зрачки сразу ударил сильный яркий свет, в самом центре которого – Богиня, прекрасная, юная, как весенний цветок! Она протягивает к нему руки... отодвигает легчай-

шее, как дуновение ветерка, покрывало, за которым – великолепный дворец, горы с белоснежными вершинами, синяя гладь моря до самого горизонта...

В огромном зале с хрустальным потолком и стенами из черного мрамора стоит золотой трон. И на том троне, весь в парче и бархате, в короне, усыпанной алмазами, восседает Владыка, подобный божеству.

Безмерное удивление охватывает Сергея, который в этом Владыке узнает... себя? Что за причудливая игра помутившегося рассудка?

– Это все твое! – говорит прекрасная Богиня. Слова ее подобны переливам арфы, а лицо сияет, как розовая жемчужина...

– Мое? – спрашивает Горский. – За какие такие заслуги?

Его природный скепсис не позволяет ему поверить в бескорыстие щедрого дара. В этом мире свои законы. Если тебе что-то предлагают, а тем более так много и сразу, то неспроста.

– Ты знаешь тайну, которая тебе уже не пригодится. Потому что если ты не поведаешь ее мне, то никогда не выйдешь отсюда, – с чарующей улыбкой произнесла Богиня.

Горский судорожно оглянулся и на миг увидел себя валяющимся на грязном полу, по которому бегают крысы и еще какие-то отвратительные твари – то ли мокрицы, то ли сороконожки... Картина «светлого будущего» ему пришлась не по вкусу.

Однако что же делать? Все требуют от него какую-то тайну, какой-то непостижимый секрет, а он... Кажется, речь шла о золоте. Но при чем тут он, Сергей Горский, искусствовед, деловой человек, будущий писатель, наконец?..

Внезапно ужасная реальность обрушилась на него, словно ушат ледяной воды. Никакого будущего, кроме затхлого сырого подземелья, у него нет! Кажется, у него даже и тела нет. Он умер, как принято говорить среди людей. Что же ему обещает эта красивая юная женщина в сияющих одеждах? Она говорит, что сделает его Властелином Миров, царем и любовником, что все возможные наслаждения и богатства будут ему доступны... И за все великолепие, за блаженство пребывания в небесных чертогах... он должен всего-навсего открыть свой секрет!

Горскому показалось, что перед ним разверзлась черная бездна, в глубине которой светится зеленоватое пламя, словно на крупный изумруд случайно упал луч неведомого светила. В его сознании вспыхнула догадка, поразившая его в самое сердце...

Он увидел неизвестный ему мир, пронизанный любовью и светом, себя в нем, гордое и могущественное существо, которое создает блестящие металлы и драгоценные камни не «мановением руки», а «мановением мысли»... Оказывается, это очень просто: он сам каким-то непонятным способом излучает энергию, изменяющую структуру вещества по своему желанию. Обыкновенные камни, куски металла, кри-

сталлы... начинают сначала светиться зеленоватым пламенем, постепенно приобретая оттенок, а затем и блеск золота!

Восторг наполняет сердце творца, чьи создания столь совершенны. Он действительно умеет делать это! Он...

«Кто сей таинственный и великолепный Он? – подумал Сергей. – Неужели это я? И началось все очень давно, еще во Флоренции, где мы с Антонией гуляли и целовались в тени апельсиновых рощ. Проклятые знания погубили наше счастье! И теперь они послужили причиной моей смерти. Я снова потерял жизнь и любовь...»

Предательскую мысль отказаться от своей сути Горский тут же прогнал. Ни за какие блага не откажется он от восхитительной способности – *творить красоту!* – которая и есть смысл существования в бесчисленных мирах... Кто-то хочет лишить его вечного внутреннего устремления, сделать мертвее холодных камней, обратить в прах. Что за блажь пришла ему в голову? Он едва не поддался...

Размышления Горского прервали чудесная музыка, запах цветущего миндаля, журчание фонтанов...

Богиня, стройная, как кипарис, грациозная, как лань, с яркими губами на нежном лице, шла к нему по дорожке дивного сада. Она предлагала ему все, что только может пожелать смертный. Теперь она предлагает ему себя! Если он согласится открыть ей тайну... она станет его женой...

Вот этим соблазнять как раз и не следовало. «Бесплот-

ный дух» Горского взбунтовался, подобно вулкану перед извержением! Он пришел в бешенство – неконтролируемое и неукротимое. *Ему снова пророчат свадьбу?* Память услужливо предоставила картинку пьяного застолья, где он, жених, уткнувшись лицом в тарелку, сидит рядом с ненавистной Аленой, совсем непохожей на невесту, вульгарно размазанной, одетой в платье из парчи и бархата... Ну нет! На этот крючок он второй раз не попадется! Это уж простите великодушно. Нашли приманку! Не на того напали, господа колдуны, черные маги, или как вас там!

Сергей все сильнее распалялся; возмущение переполняло его, как пару минут назад переполняла любовь. Он испытывал неизведанный доселе экстаз от *сотворения красоты*, – и эту великую чудесную тайну у него хотят отнять! И что ему предлагают взамен? Неизвестная Богиня, конечно, привлекательна. Но ведь и Алена поразила его с первого взгляда «неземной» красотой. А на деле что вышло? Сварливая и невежественная бабенка оказалась его законной супругой! Боже, как его тошнило от одного только ее вида, от звука ее голоса! Это была пытка, настоящая пытка – видеть ее каждый день рядом, в своей квартире, в своей постели...

Если бы у Горского было тело, он бы застонал от досады и негодования. За кого же его принимают? Неужели за идиота, который обожает наступать на одни и те же грабли? Если «они» таким путем собирались выведать у него секрет, то ничего не узнают. Вообще нет смысла что-либо раскрывать

им. Зачем? Он мертв, следовательно, хуже ему уже не будет. А раз так...

Неизвестно, куда завели бы Горского эти мысли, если бы он снова не провалился в темноту. Образ прекрасной Богини померк. Наступила глухая безнадежная тишина, нарушаемая тоскливым капаньем воды да возней голодных крыс...

На этот раз Сергей не полностью отключился. Его сознание работало, настойчиво продираясь сквозь туман забытья к собственной сути. Оказывается, он действительно умеет нечто необычное! Если только это не бред больного воображения. Не галлюцинации, вызванные болью, голодом и жаждой. Вопреки сомнениям он подумал, что матрица структуры золота и драгоценных кристаллов навечно запечатлена в его памяти. Все алхимические ухищрения, многочисленные ингредиенты, якобы необходимые для свершения сего таинства, колбы, реторты, медные чаны, тигли, старинные пергаменты, колдовские заклинания и прочее – только ритуал, мишура и пустая болтовня, производимая для отвода глаз.

Горский вдруг понял, что не только в полной мере владеет *знанием*, недоступным для других, но может и применять это знание. Как, где и когда он научился? Почему потом все забыл?..

В подземелье чуть посветлело, и Сергей увидел, что к нему приближаются три странные фигуры. Он уже ничему не удивлялся, не гадал, спит или бодрствует, жив или мертв, бредит или нет... и просто наблюдал за происходящим. Од-

на фигура была хрупкая и слабая на вид, вторая – большая, сильная и грубая. Обе держали за руки третью, совершенно непохожую на них. Это был человек, изможденный, небритый, с тусклыми глазами...

– Артур? – Горский с трудом узнал погибшего художника Корнилина. – И ты здесь? Тоже пришел по мою душу? Что будешь предлагать в обмен на тайну? Свой талант, вдохновение, полет фантазии? Что?

Артур ничего не ответил. По его худому лицу текли слезы. Большая фигура толкнула его в спину, и художник рухнул на колени. Жалкое и отвратительное зрелище...

Горский хотел броситься другу на помощь, прекратить унижение, но... у него не было тела. Видимо, он все-таки умер! Вместе с телом он лишился и силы, способности драться, наносить удары, вмешиваться в действия других...

Обе фигуры как будто бы засмеялись. Как будто бы... Потому что у них не было лиц – только низко надвинутые капюшоны, под которыми таился мрак. Глядя на поникшего, безвольного и сломленного Артура, Горский понял то, чего раньше не осознавал. Оказывается, умереть – это далеко не самое страшное. Вот такая полная зависимость, потеря достоинства, подавленность, какую демонстрировал Корнилин, неизмеримо хуже. Лучше уж лишиться тела, но остаться самим собой, чем пресмыкаться, молить о пощаде и быть готовым на что угодно... Бедный, бедный Артур! Ему в самом деле не повезло. Он даже не пустота, он...

Подходящего определения в словарном запасе Горского не нашлось.

Откуда ни возьмись рядом с художником появился Азарий в черных рыцарских латах. Тяжелый меч волочился за ним по полу, темный плащ развевался за плечами, хотя ветра не было...

– Его душа, – рыцарь показал на Корнилина, – пребудет в вечных муках! Навсегда закроются за нею двери ада, а черные стражи пометят ее Знаком Вечного Заточения. Она будет навеки проклята и никогда не спасется. Никогда-а-а...

Сергею стало так жутко, будто это его, а не Артура ожидает вечное проклятие и плен.

«Быть пленником, что может быть хуже? – подумал он. – Наверное, „они“ предложат мне душу Корнилина в обмен на тайну. Может, рассказать? Ничто в мире не стоит гибели духа, пусть даже и униженного...»

– Никогда-а-а... – повторило эхо подземелья страшное слово, произнесенное черным рыцарем.

Что-то закрипело, завизжало, заблеяло, загрохотало, и... яркий свет ударил в глаза Горскому. Разве у него все еще есть глаза? Свет ослепил его. Что это? Преисподняя разверзлась перед ним или райские врата?

Все исчезло – черный рыцарь Азарий, безликие фигуры в капюшонах, жалкий, хнычущий Корнилин – все. Осталось только подземелье, которое теперь, благодаря свету, Горский смог рассмотреть как следует. Ничего особенного: грязный

пол, мокрые своды, осыпавшаяся земля, дырка вверху, откуда льются солнечные лучи...

Громкое блеяние привлекло внимание Сергея – на полу, прямо на куче земли и камней, возился козленок, беленький, с маленькими рожками.

«Так я все еще жив! – догадался Горский. – Раз я вижу и слышу этого козленка, значит...»

Он приподнял голову и ощупал себя. Тело как тело, даже не очень худое; флорентийский медальон на месте, согревает грудь. Сергей попытался встать, но у него не получилось. Ноги слушались плохо, голова кружилась. Ударившись при падении затылком, он, по-видимому, потерял сознание, потом начались бредовые видения... Такое бывает. Может, у него сотрясение мозга или еще что посерьезнее...

Козленок наконец очухался и подошел к Горскому, трогая его мягкой теплой мордочкой.

– Как ты сюда попал? – поинтересовался Сергей и вдруг понял, что козленок провалился в подземелье случайно и что теперь они оба смогут выбраться наружу через ту дырку, которую он проделал при падении. Именно через нее льется свет, и через нее они выберутся наверх, к солнцу и жизни.

Сверху опять посыпалась земля, раздались громкие крики. Пастух искал козленка.

«Мы спасены!» – понял Сергей, и его сердце радостно забилось.

Спустя несколько часов в домике у пастуха, вымывшись и вычистив одежду, Горский вдруг вспомнил Богиню, которая сильно смахивала на женщину с картины Артура «Искушение», вспомнил самого художника... Жаль, что они больше не увидятся. Но особенно жаль, что не существует Тайны, которую у него пытались выведать и которую он сохранил, несмотря ни на что! А может...

Фантастическое предположение захватило Горского. Что, если он действительно *знает*? Ему стало холодно, потом бросило в жар. Что, если...

До него вдруг дошло – в замок, где проживала Мари, он попал не случайно, в подземелье он тоже провалился не случайно. Именно попытки неких злоумышленников выведать его секрет заставили его *вспомнить*. Вместо злости Горский почувствовал облегчение и благодарность к тому, кто заманил его в подземелье. Это действительно оказалась ловушка. Сиур был прав. Прав! А Сергей его не послушал... и правильно сделал. Теперь кое-что проясняется...

Пастух угощал гостя сыром и козьим молоком, причитая и сетуя на то, что «месье был так неосторожен».

– Хорошо, что козленок провалился, а я пошел его вызволять! – радовался он, выпивая очередной стакан белого вина. – А то неизвестно, сколько бы пришлось месье сидеть в

проклятом подземелье! В наших местах такое не редкость. В прошлом году взрослая коза провалилась, так месье Ален, хозяин замка, очень ругался. Когда они с женой здесь жили, мне приходилось пасти коз вон за тем холмом! – Пастух показывал рукой через окно, вдаль, туда, где начинало садиться солнце. – Вокруг замка много подземных ходов, они осыпаются, поэтому гулять одному, без спутников, опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.